

18+

Франц Кафка

Замок

роман

Новый перевод

Франц Кафка

Замок. Роман

«Издательские решения»

Кафка Ф.

Замок. Роман / Ф. Кафка — «Издательские решения»,

Новый адаптированный перевод Алексея Козлова неоконченного романа Франца Кафки «Замок» — антиутопии, в которой автор предрёк чудовищное бюрократическое будущее Европы со всеобщим приглядом, надзором, нечеловеческой бюрократией и т. д. Неоконченный роман издан в 1926 году в Мюнхене благодаря усилиям друга писателя Макса Брода, который проигнорировал просьбу Кафки после смерти уничтожить рукопись.

© Кафка Ф.

© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	16
Глава III	28
Глава IV	34
Глава V	41
Глава VI	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Замок Роман

Франц Кафка

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Франц Кафка, 2026

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-9876-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Был поздний вечер, когда К. наконец доехал. Деревня утопала в глубоком снегу. На Замковой горе ничего не было видно, её окружали туман и мрак, и ни малейший проблеск света не указывал. Что там есть большой замок.

К. долго стоял на деревянном мосту, который вёл от проселочной дороги к деревне, и смотрел в клубящуюся пустоту. Затем он пошёл искать ночлег.

В трактире ещё не спали, у хозяина комнаты не оказалось, но он, крайне удивлённый и смущённый поздним гостем, предложил, чтобы К. спал в хозяйской комнате на мешке соломы.

К. согласился.

Некоторые крестьяне продолжали пить пиво, но он не захотел ни с кем из них разговаривать, и поэтому сам выволоч с чердака мешок соломы и лег возле печи. Было тепло, крестьяне притихли, он ещё немного поглазел на них усталыми глазами, а потом заснул.

Но вскоре после этого его разбудили. Молодой человек, одетый по-городскому, с актерским лицом, узкими глазами, разросшимися бровями, стоял рядом с хозяином. Крестьяне всё ещё не спали, некоторые повернули свои кресла, чтобы лучше видеть и слышать. Молодой человек очень вежливо извинился за то, что разбудил К., представился сыном дворцового кастильяна и затем сказал:

— Эта деревня принадлежит замку, и все, кто здесь живёт или ночует, в некотором смысле живут или ночуют в замке. Никто не может этого сделать без разрешения графа. Но у вас нет такого разрешения или, по крайней мере, вы его не показали!

К. выпрямился, кашлянул, поправил волосы, посмотрел на людей снизу вверх и сказал:

— Я заблудился! Как называется эта деревня? Здесь, оказывается, есть ещё и замок?

— Однако, — медленно произнёс молодой человек, в то время как кое-кто качал головой в сторону К., — замок господина графа Вествеста! Пора бы знать!

— И у меня должно быть разрешение остаться? — спросил К., как бы желая убедиться, не приснилось ли ему всё это.

— Разрешение нужно иметь обязательно, — последовал ответ, и какова же была насмешка для К., когда молодой человек, протянув руку, спросил хозяина и гостей: «А вам разрешения не к чему?»

— Тогда, значит, мне придётся получить разрешение! — обречённо сказал К., зевая и сбрасывая с себя одеяло, как будто собирался встать.

— Да от кого же? — спросил молодой человек.

— От господина графа, — сказал К., — ничего другого не остаётся! Придётся идти!

— Теперь, в полночь, получить разрешение от господина графа? — воскликнул молодой человек в изумлении и отступил на шаг.

— Разве это невозможно? — спросил К. невозмутимо, — Тогда зачем же вы разбудили меня?

Но теперь молодой человек был уже вне себя.

— У вас манеры бродяги! — крикнул он, — Я требую уважения к власти графа! Поэтому я разбудил вас, чтобы сообщить, что вы должны немедленно убратъся с территории графства!

— Хватит ломать комедию! — поразительно тихо сказал К., лёг и натянул на себя одеяло, — Молодой человек, вы заходите слишком далеко, и мы ещё вернёмся к вашему поведению завтра. Хозяин и господины свидетели, если только мне вообще нужны свидетели. Но в противном случае я должен буду сообщить, что я землемер, которого пригласил граф. Мои помощники с аппаратурой придут к вам завтра в карете. Я не хотел тратить время и совершил марш-бросок по снегу, но, к сожалению, несколько раз сбивался с пути и поэтому прибыл так поздно. Я уже знал по собственному опыту, ещё до ваших лекций, что являться в замок

теперь слишком поздно, поэтому я и согласился на этот ночлег здесь, чтобы не беспокоить вас, что было, мягко говоря, невежливо. На этом мои объяснения заканчиваются. Спокойной ночи, господа.

И К. повернулся к печи.

— Землемер? — расслышал он за своей спиной нерешительный голос и бормотание, затем наступила мёртвая тишина. Но молодой человек мгновенно взял себя в руки и сказал хозяину сильно приглушённым тоном, чтобы показать, что он считает, что К. спит, но достаточно громко, чтобы его можно было понять:

— Я свяжусь с вами по телефону!

— Какой ещё телефон может быть в этой забегаловке? Оказывается, здесь умеют шутить! Но изысканный телефон оказался тут же, рядом.

В чем-то это удивило К., хотя в чём-то он, конечно, ожидал чего-то подобного. Оказалось, что телефон был прикреплен прямо над его головой, и в своей сонливости он не обратил на это внимания.

Теперь, когда молодому человеку нужно было позвонить по телефону, и он, при всем желании, не мог пощадить сон К., вопрос был только в том, разрешит ли К. позвонить ему, и он решил это разрешить. Но тогда, конечно, не было смысла разыгрывать из себя спящего, и поэтому он повернулся и лёг на спину. К заметил, что крестьяне робко собирались кучкой. Он видел, как они совещались, как будто приезд землемера — событие мирового масштаба.

Дверь кухни была открыта, на пороге стояла могучая фигура хозяйки, на цыпочках к ней приближался хозяин, чтобы отчитать её.

И тут начался телефонный разговор. Кастелян спал, но на месте оказался один из младших кастелянов, вернее, один из младших помощников младших кастелянов, некий герр Фриц.

Молодой человек, наконец представившийся Шварцниггером, рассказал, как он нашёл в трактире К., мужчину лет тридцати, изрядно потрёпанного жизнью, спокойно спящего ныне на соломенном тюфяке, с крошечным рюкзачком в качестве подушки и палкой с узлом в пределах его досягаемости. Такой типаж, конечно, вызвал у него естественное подозрение, и поскольку хозяин, по-видимому, пренебрёг своим долгом, его, Шварцниггера, долгом было докопаться до сути дела. Пробуждение, допрос, обязательная угроза изгнания из графства были восприняты К. крайне негативно и агрессивно, однако после долгих опросов в конце концов выяснилось, что возможно справедливо, как он утверждает, что является землемером, землемером, нанятым господином графом. Разумеется проверка заявлений этого типа является, по крайней мере, формальной обязанностью Шварца, и поэтому он просит господина Фрица уточнить в Центральной Канцелярии, действительно ли в замке ожидается приезд землемера или землемера такого рода, и немедленно дать ответ по телефону.

Потом наступила тишина.

Фриц что-то там спрашивал, и здесь ждали ответа.

К. остался лежать в той же позе, как и прежде, даже не обернулся, казалось, совсем не любопытствовал, и только смотрел перед собой широко открытыми невидящими глазами.

Рассказ Шварцниггера, в котором причудливо смешались злоба и опаска, дал ему представление об известном дипломатическом образовании, которым, как оказалось, легко обладали в замке даже такие мелкие шныри, как Шварцер. И они явно не испытывали недостатка в усердии; в Центральной канцелярии каждый день были ночные дежурства. И, видимо, оттуда дали очень быстрый ответ, потому что уже звонил Фриц. Однако этот доклад показался К. очень коротким, потому что Шварцер тут же в ярости швырнул трубку на рычаг.

— Я же сказал! — закричал он, — Никаких следов землемера, никакого намёка на землемера, это подлый, лживый бродяга, но, вероятно, способный любому доставить неприятности.

На мгновение у К. мелькнула мысль, что все эти Шварцниггеры, фермеры, крестьяне, хозяин и дюжая хозяйка готовы внезапно наброситься на него.

Чтобы избежать хотя бы первой атаки, он полностью забрался под одеяло.

Тут телефон затрещал снова, и, как показалось К., особенно сильно. Он медленно высунул голову обратно. Хотя было маловероятно, что всё это снова коснётся К., все замолчали, и Шварцер вернулся к аппарату. Там он выслушал пространное объяснение, а затем тихо сказал:

— Значит, это ошибка? Мне это довольно неприятно! Простите! Сам начальник офиса звонил по телефону? Странно, странно! Как я должен объяснить это господину землемеру?

К. недоумевал. Именно замок назначил его землемером. С одной стороны, это было неблагоприятно для него, поскольку показывало, что в замке знали о нём все необходимое, знают его, как облупленного, и взвешивали, принимая бой, соотношение сил с улыбкой. Но, с другой стороны, это имело и выгодную сторону, поскольку, по его мнению, доказывало, что если его статус землемера недооценивают, то у него будет больше свободы, чем он мог надеяться изначально. И если кто-то думает, что это несомненно превосходящее его в духовном отношении признание его должности землемера низкой способно надолго удержать его в страхе, то он заблуждается; на это он не пойдёт, это слегка ошеломило и ужаснуло его, вот и всё.

Робко приблизившегося Шварцниггера К. Попытался отвести рукой.; он отказался перейти в комнату хозяина, к которой его призывали, принял только снотворное от хозяина, раковину с мылом и полотенце от хозяйки и даже не стал требовать, чтобы залу освободили, потому что все вышли сами с отвёрнутыми лицами, чтобы не видеть его завтра и утром он не смог никого опознать.

Лампу погасили, и он наконец успокоился. Он крепко спал, и до утра едва ли его один-два раза потревожили бегающие крысы. После завтрака, который, как и вообще всё питание К., должен был быть оплачен замком по просьбе хозяина, он собирался сразу же отправиться в деревню. Но так как хозяин, с которым он до сих пор в память о своем вчерашнем поведении говорил только самое необходимое, всё время жалко вертелся и обращал к взору с немой просьбой, К. смирившись над ним и разрешил ему на некоторое время посидеть рядом с собой.

— Я еще не знаком с графом, — сказал К., — говорят, он хорошо платит за хорошую работу, это так? Если ты так далеко от жены и ребёнка, как я, то тоже, согласишься, видать, хочешь что-нибудь притакщить домой!

— В этом отношении господину землемеру не следует беспокоиться, жалоб по поводу плохой оплаты тут никто никогда не слышал!

— Ну, — сказал К., — я ведь не из робких и не из застенчивых лохов, которые не любят, когда им плохо платят...

— Да уж! — эхом отозвался хозяин.

— Что ж, — сказал К., — я не из тех, кто помалкивает в тряпочку, я тоже могу высказать своё мнение графу, но, конечно, что спорить, гораздо лучше жить с господами в мире!

Хозяин пристроился напротив К. на самом краешке подоконника, удобнее он не решался сесть, и всё время смотрел на К. большими, карими, испуганными глазами.

Сначала он обратился к К., растолкав его, и уже испугался своей дерзости, и теперь казалось, что больше всего на свете ему хотелось убежать. Он боялся, что его спросят о графе? Он боялся ненадежности «господина», которым, по его мнению, был К. К.? К. И теперь должен был отвлечь его. К. посмотрел на часы и сказал:

— Скоро придут мои помощники, сможешь ли ты разместить их здесь?

— Конечно, господин! — сказал хозяин, — Но разве они не будут жить с тобой в замке?

«Неужели он так легко и охотно готов отказаться от постояльца и в особенности от К., которого он непременно решил поселить в Замке?

— Это еще не ясно, — сказал К., — сначала я должен узнать, какая тут у вас есть для меня работа. Например, если я буду работать здесь, внизу, то и жить здесь будет разумнее. Кроме того, я боюсь, что жизнь наверху, в замке, мне не подойдёт. Я всегда хотел быть свободным!

— Ты не знаешь Замка! — тихо сказал хозяин.

— Конечно! — сказал К., — Ни о чём не следует судить загодя. На данный момент я не знаю о замке ничего, кроме того, что там хотели найти подходящего землемера. Возможно, там отыщутся найдутся и какие-то другие достоинства!

Он встал, чтобы отодвинуть от себя беспокойно кусавшего губы хозяина. Нелегко было завоевать доверие этого человека. Уходя, он оглянулся и тут взгляд К. пал на тёмный портрет в ещё более тёмной раме на стене. Он заметил его ещё со своего ложа, но на расстоянии не различил деталей и решил, что настоящая картина вынута из рамы и видна только чёрная задняя, замусоленная крышка. Но всё же это оказалось портретом, как теперь выяснилось, погрудным портретом мужчины примерно лет пятидесяти.

Голову он держал так низко опущенной на грудь, что почти ничего не было видно, решающим фактором при этом выглядел высокий, грузный лоб и сильный, клевавший долу, сосисочный нос. Густая борода, придавленная к подбородку из-за наклонённой головы, спускалась ещё ниже. Левая рука лежала на густой шевелюре, но поднять голову было явно не в его силах.

— Кто это? — спросил К., — Граф?

К. стоял перед картиной и даже не оглянулся в поисках хозяина.

— Нет, — сказал хозяин, — Кастелян.

— У вас в замке есть прекрасный кастелян, это правда, я не отрицаю! — сказал К., — Жаль, что у него такой скверный сын!

— Нет! — сказал хозяин и немного притянув К. к себе, прошептал ему на ухо, — Шварц вчера перестарался, его отец всего лишь подкастеллан и даже один из последних!

В этот момент хозяин посмотрел на К. и при этом принял вид совершенно незащитного, растерянного ребёнка.

— Болван! — сказал К. смеясь, но хозяин не засмеялся вместе с ним, а сказал:

— Его отец тоже чудовищно могущественен!

— Убирайся! — сказал К., — Для тебя, как я вижу, все могущественны!

— Тебя, — сказал хозяин робко, но серьёзно, — я могущественным не считаю!

— Значит, ты всё прекрасно видишь и понимаешь, — сказал К., — что я, честно говоря, на самом деле не могущественен. И в результате, вероятно, я испытываю не меньшее уважение к сильным мира сего, чем ты, только я не так искренен, как ты, и не всегда хочу это признавать!

И К. легонько похлопал хозяина по щеке, чтобы утешить и заставить наклониться. Теперь тот всё же слегка улыбнулся. Он действительно был мальчиком с мягким, почти безбородым лицом. Как он попал к своей толстой, пожилой жене, которая, широко расставив локти, орудовала рядом, на кухне, за смотровым окном?

Теперь К. расхотелось проникать в жизнь этого типа слишком глубоко, не хотелось прогонять его вконец вымученную улыбку. Поэтому он просто подмигнул хозяину, чтобы тот открыл ему дверь, и вышел в прекрасное зимнее утро.

Теперь замок наверху был виден, чётко очерченный в прозрачном воздухе и ещё более отчетливый из-за повторяющего все формы, тонкого слоя только что выпавшего и покрывающего всё вокруг снега. Кстати, на вершине горы снега оказалось гораздо меньше, чем внизу, в деревне, где К. продвигался вперёд не менее тяжело и утомительно, чем вчера по проселочной дороге. Здесь снег доходил до окон хижин и тут же снова ложился на низкие крыши, но на вершине горы всё было свободно и легко, по крайней мере, так казалось при взгляде снизу.

В целом замок, каким он был виден снизу и издалека, полностью соответствовал ожиданиям К.

Это был не старый рыцарский замок и не новое роскошное здание, а обширный комплекс, состоящий из нескольких двухэтажных, во множестве тесно сплотившихся друг подле друга невысоких строений; если бы не знать, что это замок, можно было бы счесть его маленьким городком на вершине. К. увидел только одну башню. Было невозможно определить, принадлежит ли она какому-то жилому зданию или церкви.

Стаи ворон кружили вокруг шпиля. Не сводя глаз с замка, К. пошёл дальше, больше его ничего не волновало.

Но при ближайшем рассмотрении замок разочаровал его: это был всего лишь довольно жалкий городок, состоящий из деревенских домов, отличавшийся, пожалуй, только тем, что весь был построен из камня; но краска везде давно облупилась, и камень, казалось, осыпался во многих местах. К. мимолётно вспомнил свой родной город; он едва ли в чём-либо уступал этому хвалёному замку.

Если бы К. приехал только для осмотра провинциальных достопримечательностей, как турист, то было бы жаль долгого странствия, и он поступил бы разумнее, если бы ещё раз посетил старый родительский дом, где он так давно не был. И он мысленно сравнил шпиль близ своего дома с башней там, наверху. Эта башня, определённо, без колебаний сужающаяся прямо кверху, с широкой крышей, отделанная красной черепицей, вполне земное здание отвратительной архитектуры — что ещё мы можем построить? — но с более высокой кровлей, чем толпа домов с приплюснутыми крышами, и более праздничная, чем унылые рабочие будни крыш внизу.

Башня наверху — она была единственным видимым строением — башня жилого дома, как теперь стало видно, возможно, главного замка, представляла собой круглое унылое строение частично изящно увитое плющом, с маленькими окнами, которые теперь сияли на Солнце — в этом было что-то безумное — и с решётчатым завершением. Зубцы стен которого неуверенно, неровно, ломко, словно нарисованные робкой, неумелой или небрежной детской рукой, тянулись к голубому небу. Это было похоже на то, как если бы несчастный житель дома, который по справедливости должен был сидеть взаперти в самой дальней комнате дома, прорвал крышу и поднялся, чтобы продемонстрировать себя миру.

И снова К. застыл неподвижно, как будто охваченный тишиной, так он обладал большей силой суждения.

Но его что-то томило и беспокоило.

За деревенской церковью, у которой он остановился — на самом деле это была просто часовня, достроенная, как простой амбар, чтобы, вероятно, вместить всех прихожан, — находилась школа. Низкое, длинное здание, странным образом сочетающее в себе характер одновременно временки и чего-то очень старого, располагалось за огороженным садом, который теперь был белым снежным пустырем.

Он увидел, как дети только что вышли с учителем.

Они плотной кучей окружили его, все глаза были устремлены на него, они безостановочно болтали и шныряли со всех сторон, К. совершенно не понимал их быстрой речи. Это был какой-то неведомый ему язык, похожий на птичий.

Учитель, молодой, невысокий, узкоплечий человек, совершенно отчётливо, он не производил смешного впечатления, уже издали обратил внимание на К. Однако, кроме группы учеников, и самого К. Вокруг никого не было, но уже издали. К., как незнакомец, поздоровался первым, тем более с таким властным маленьким человеком.

— Добрый день, господин учитель! — сказал он. Дети разом замолкли, и это внезапное молчание, как предверие к его словам, наверное, понравилось учителю.

— Вы любуетесь на замок? — спросил он более дружелюбно, чем ожидал К., но тоном, как будто не одобрял того, что делает К.

— Да! — сказал К., — Я здесь чужой, я здесь только со вчерашнего вечера!

— Вам не нравится этот замок? — быстро спросил учитель.

— Что? — спросил К.

Тот повернулся, немного озадаченный, и повторил в более мягкой форме вопрос.

— Нравится ли мне этот замок? Почему вы думаете, что мне он может не нравиться?

— Никому постороннему он не нравится! — сказал учитель. Чтобы не ляпнуть здесь ничего нежелательного, К. переменял разговор и спросил:

— Вы, наверное, знаете графа?

— Нет! — сказал учитель и попытался отвернуться. К., однако, не уступил и снова спросил:

— Как? Вы не знаете графа?

— Откуда мне его знать? — тихо сказал учитель, а вслух добавил по-французски:

— Будьте осторожны, здесь невинные дети! Это позволило К. получить право спросить:

— Могу ли я как-нибудь навестить вас, господин учитель? Я здесь надолго и уже сейчас чувствую себя здесь немного покинутым и заброшенным; я не принадлежу к сословию крестьян и, вероятно, поэтому в замок не вхож!

— Между крестьянами и замком нет большой разницы! — сказал учитель.

— Возможно, — сказал К., — это ничего не меняет в моём положении. Могу ли я как-нибудь навестить вас?

— Я живу на Шваненгассе у Флейшхауэра! Хотя это было скорее указанием адреса, чем приглашением, К. все же сказал:

— Хорошо, я прибуду!

Учитель кивнул и двинулся дальше с кучками детей, которые снова принялись кричать на все лады. Вскоре они скрылись в узком переулке.

К. рассеянно посмотрел им вслед, честно говоря, этот разговор его немного расстроил.

Впервые с тех пор, как он приехал, он почувствовал, что устал по-настоящему. Долгий путь сюда, казалось, изначально его совсем не утомил, он и раньше бродил целыми днями, спокойно, шаг за шагом! Но теперь всё же проявились накопившееся напряжение, последствия чрезмерных усилий, правда, в неурочное время.

Его неудержимо влекло к поиску новых знакомств, но каждое новое знакомство только усиливало эту странную усталость. Если в своём нынешнем состоянии он заставил бы себя растянуть прогулку хотя бы до входа в замок, то этого было вполне достаточно.

Таким образом, он снова двинулся вперёд, но это был долгий путь.

Дорога, главная улица деревни, не вела к Замковой горе, она только приближалась, но потом, как нарочно, всё время куда-то сворачивала, и если она и не удалялась от замка, то все же и не приближалась к нему. К. всегда ожидал, что теперь, наконец, где-то есть поворот на дорогу, ведущую к замку, и только потому, что он надеялся его найти, он пошёл дальше; видимо, из-за усталости он не решался сойти с дороги, его также поражала протяжённость деревни, которой не было конца, маленькие домики, обледеневшие стёкла окон, снег и безлюдье — наконец он оторвался от этой цепляющейся дороги, узкая улочка поглотила его, здесь лежал ещё более глубокий снег, и затёкшие ноги можно было вытягивать из него только величайшими усилиями, это было тяжёлой работой, его прошиб пот, внезапно он остановился и больше не мог сделать ни шагу.

Что ж, он не был заброшен, справа и слева стояли крестьянские хижинки.

Он сделал снежок и бросил его в окно. Тотчас дверь открылась — первая открывшаяся дверь за всю дорогу в деревню — и там, склонив голову набок, стоял старый крестьянин в коричневой меховой шапке, добрый и немощный старик.

— Могу я ненадолго зайти к вам? — сказал К., — Я очень устал!

Он даже не расслышал, что сказал старик, и с благодарностью принял то, что ему подсунили доску, которая сразу же вытащила его из снега, и, сделав несколько шагов, он оказался внутри.

Большая комната утопала в сумеречном свете. Пришедший снаружи К. сначала ничего не увидел и шатаясь, побрёл к умывальнику, где его удержала женская рука. Из-за угла доносилось разноголосье детских криков. Из другого угла валил дым, превращая полутьму в полный мрак.

К. стоял как в облаках пара.

— Да он ведь пьян! — сказал кто-то.

— Кто ты? — крикнул властный голос и, вероятно, кто-то следом обратился к старику, — Зачем ты впустил его? Стоит ли впускать всё, что шляется по округе впотьмах?

— Я графский инспектор! Землемер! — выкрикнул К., как бы пытаясь таким образом оправдаться перед всё ещё невидимыми призраками.

— А, это тот землемер! — разочарованно сказал женский голос, и наступила полная тишина.

— Вы меня знаете? — спросил К.

— Конечно! — коротко ответил тот же голос. То, что люди знали К., казалось, в этой компании, не могло сулить ничего хорошего. Наконец дым понемногу рассеялся, и К. смог потихоньку прийти в себя.

Похоже, был обычный банный день. Возле двери стирали бельё. Но дым шёл из другого угла, где в деревянной лохани, размером с... К. никогда раньше не видел, чтобы в сарае размером примерно с две кровати, в дымящейся воде — купались сразу двое мужчин. Но ещё более удивительным, если не знать точно, в чём именно заключалось это удивление, был правый угол.

Из большой щели, единственной в задней стене комнаты, падал бледный, снежный свет, вероятно, со двора, придавая платью женщины, которая почти без сил лежала в углу в высоком кресле, нежное шёлковое сияние.

Она качала на груди младенца. Вокруг неё играли несколько детей, крестьянских детей, как было видно, но она, казалось, не принадлежала к их числу, правда, болезнь и усталость крестьянок, как правило, красит. Вот всё, что о ней можно было сказать.

— Садитесь! — сказал один из мужчин, бородатый, к тому же и с усами, из-под которых он всё время потешно фыркал, смешно показывая рукой на сундук, и при этом обрызгал К. всё лицо тёплой водой.

Старик, который впустил К., уже сидел на сундуке, наглухо погружённый в свои мысли.

К. был благодарен, что ему наконец разрешили сесть. Теперь никто больше не интересовался им и не заботился о нём. Женщина стояла у корыта для умывания, белокурая, полная по-девичьи, она тихо напевала, продолжая работать, мужчины в ванной топали и крутились, дети хотели подойти к ним, но их снова и снова отбрасывали мощные брызги воды, которые не пощадили и К., женщина в кресле лежала как неживая, даже не пытаясь встать на ноги. Ребенок на её груди смотрел на неё свысока, вывернув голову, но уж слишком свысока.

К., вероятно, чересчур долго смотрел на неё, на эту неизменную прекрасную, печальную картину, но потом, должно быть, заснул, потому что, когда он проснулся от громкого крика, его голова лежала на плече старика, очутившегося рядом с ним.

Мужчины закончили мыться и вылезли из ванны, в которой теперь резвились дети под присмотром блондинки, и стояли одетые перед К. Оказалось, что крикливый бородач был самым низеньким из них двоих. А другой, не выше бородатого и с гораздо меньшей бородой, был тихим, занудным и помимо этого явно заторможенным человеком, с широким лицом, тоже чрезмерно широким, голову он держал опущенной.

— Господин землемер, — сказал он, — вы не можете здесь оставаться! Простите за бестактность!

— Я сам тоже не хочу оставаться, — сказал К., — просто хотел немного отдохнуть. Это случилось, и теперь я ухожу!

— Вы, наверное, удивляетесь нашему малодушию, — сказал мужчина, — но гостеприимство у нас не в обычае, нам не нужны незваные гости!

Немного отдохнувший после сна, чуть более чуткий и яснослышающий, чем раньше, К. обрадовался открытым, честным словам этого человека. Теперь он двигался свободнее, опираясь на трость то здесь, то там, приближаясь к женщине в кресле, которое, кстати, тоже было самым большим предметом мебели в комнате.

— Конечно, — сказал К., — для чего вам нужны гости... Но кое-кто здесь всё же нужен, например, я, землемер!

— Я не знаю! Я ни в чём не уверен! — медленно сказал мужчина, — Вас вызвали, да, вы, наверное, нужны, это, наверное, исключение, но мы, маленькие люди, придерживаемся законов...

— Нет, нет, — сказал К., — я хотел только поблагодарить вас, вас и всех здесь присутствующих!

И неожиданно для всех К. буквально одним прыжком развернулся и встал перед женщиной. Усталыми голубыми глазами она смотрела на К. на ней была шёлковая прозрачная косынка, спускавшаяся до середины лба, младенец спал у неё на груди. — Кто ты? — небрежно спросил К. — и тут она с презрением сказала, причём было неясно, относилось ли презрение к К. или к её собственному ответу:

— Служанка! Девушка из замка!

Всё это заняло всего мгновение, и К. уже схватил одного из мужчин справа и, как будто не было другого средства для взаимопонимания, молча, но изо всех сил потащил к двери. Старик чему-то обрадовался и хлопнул в ладоши. Прачка тоже смеялась, глядя на внезапно зашумевших детей. К. Задержался, но вскоре вышел на тропу, а мужчины внимательно наблюдали за ним с порога.

Снова пошёл снег; тем не менее, казалось, что стало немного светлее. Полный бородатый нетерпеливо крикнул:

— Куда вы хотите податься? Вот эта дорога ведёт к замку, вот та — к деревне!

К. ему не ответил, но второму, который, несмотря на своё превосходство, казался ему более обходительным, он сказал:

— Кто вы? Кого мне благодарить за то, что мне позволено остаться?

— Я мастер кожевенного дела Ласеманн! — был ответ, — Вам тут некого благодарить!

— Хорошо, — сказал К., — может быть, мы ещё встретимся!

— Я так не думаю! — сказал мужчина, — Вряд ли! Впрочем, надеюсь, такого не случится!

В этот момент бородач с поднятой рукой крикнул:

— Добрый день, Артур! Добрый день, Иеремия!

К. обернулся, значит, в этой деревне всё ещё были люди, идущие по переулку! Со стороны замка шли двое молодых людей среднего роста, оба очень стройные, в облегающих одеждах, очень похожие друг на друга даже лицом. Цвет лица у них был тёмно-коричневый, но козлиные бородки всё же выделялись своей особой мавританской чернотой. Они шли удивительно быстро в этой снежной заморочке, выбрасывая в такт стройные ноги.

— Что вам нужно? Помочь? — воскликнул бородатый. С ними можно было связаться только по телефону, так быстро они шли и не останавливались.

— Дела! — кричали они в ответ, смеясь.

— Где?

— На постоялом дворе!

— Я тоже туда иду! — вдруг закричал К. Внезапно больше, чем кому-либо другому, ему захотелось, чтобы эти двое взяли его с собой; хотя их знакомство показалось ему не очень удачным, они, по-видимому, были хорошими, весёлыми спутниками. Услышав слова К., они только кивнули и сразу двинули прочь и скоро растворились вдали.

К. всё ещё стоял в снегу, не имея ни малейшего желания вытаскивать ногу из снега, чтобы следующим шагом утопить её ещё глубже; кожевник и его товарищ, довольные тем, что наконец-то вытащили К., потом оттолкнули его и пошли медленно, все время оглядываясь на К., медленно входя в дом через открытую дверь, и скоро К. остался один на один со снегом, окутавим его.

«Повод немного отчаяться, — пришло ему в голову, — если бы я оказался здесь случайно, а не благодаря Провидению!».

Тогда в хижине по левую руку открылось крошечное окошко; закрытое, оно казалось тёмно-синим, может быть, в отблесках снега, и было таким крошечным, что, когда его теперь открыли, видно было не всё лицо того, кто выглядывал, а только глаза, старые карие очи.

— Вот он стоит! — услышал К. дрожащий женский голос.

— Это землемер! — сказал мужской голос. Тогда мужчина подошёл к окну и спросил не то чтобы недружелюбно, но как будто заботясь о том, чтобы на улице перед его домом все было в порядке:

— Кого вы ждёте?

— Подводу, которая отвезёт меня! — сказал К.

— Здесь нет никаких подвод, нет саней, — сказал мужчина, — Здесь нет никакого транспорта!

— Ведь это дорога, ведущая к замку, не так ли? — возразил К.

— Тем не менее, тем не менее, — сказал мужчина с некоторой непреклонностью, — здесь нет движения! Дорога непроезжая!

Затем оба замолчали. Но мужчина, видимо, что-то обдумывал, потому что окно, из которого валил дым, он по-прежнему держал открытым.

— Плохо, что дорога скверная! — сказал К., чтобы поддержать разговор.

Но тот только сказал:

— Да, конечно!

Через некоторое время он всё же добавил:

— Если хотите, я подвезу вас до деревни на своих санях!

— Сделайте это, пожалуйста! — сказал обрадованный К., — Сколько вы за это просите?

— Ничего! — сказал мужчина, — Не надо ничего!

К. очень удивился.

— Вы ведь землемер, — сказал мужчина, — и принадлежите замку? Куда вы хотите поехать?

— В замок! — быстро сказал К.

— Тогда я не поеду! — сразу отрезал мужчина.

— Я все-таки принадлежу Замку! — сказал К., повторяя собственные слова этого человека.

— Может быть! — небрежно сказал мужчина.

— Тогда отвези меня в трактир! — сказал К.

— Хорошо, — сказал мужчина, — я сейчас выеду на санях.

Всё это не производило впечатление особой дружелюбности, а скорее напоминало желание какого-то чересчур эгоистичного, но робкого, почти педантичного стремления убрать К. с утоптанного прогала перед домом.

Ворота фермы открылись, и из них выехали небольшие сани для перевозки лёгких грузов, совершенно плоские, без сиденья, запряженные чахлой лошадкой, за ними шёл согбенный, слабый, хромающий мужчина с худым, красным, сморщенным лицом, казавшимся особенно маленьким из-за туго повязанного на голове шерстяного шарфа. Мужчина был явно болен, и вышел только для того, чтобы отвезти К.

К. промямлил что-то в роде благодарности, но мужчина отмахнулся. К. узнал только, что он был возчиком Герштекера и что он взял эти неудобные сани, потому что они стояли наготове и на то, чтобы вытащить другие, потребовалось бы слишком много усилий и времени.

— Садитесь! — сказал он, указывая кнутом на сани сзади.

— Я сяду рядом с вами, ребята! — сказал К.

— Я пойду пешком! — сказал Герштекер.

— Почему? — спросил К.

— Я пойду пешком! — повторил Герштекер и закашлялся, так что ему пришлось вжать ноги в снег и держаться руками за край саней.

К. больше ничего не сказал, сел сзади на сани, кашель постепенно утих, и они тронулись.

Замок наверху, странно уже тёмный, до которого К. всё ещё надеялся добраться сегодня, стал снова отдаляться. Но как бы в знак того, что ему всё же следует дать знак на прощание, наверху раздался звон, радостный, звон, который заставил сердце К. дрогнуть хотя бы на мгновение, как будто ему что-то угрожало — ибо этот звук был ещё попутно и тягостным — и обещал исполнение того, чего он, несомненно, жаждал...

Но вскоре этот большой колокол умолк, и его сменил слабый, монотонный звон, может быть, всё ещё доносившийся сверху, а может быть, уже из деревни. Этот звон, конечно, больше подходил к медленной езде и ворчливому, но неумолимому возчику.

— Эй, ты, — вдруг крикнул К., когда они были уже недалеко от церкви, а до трактира было рукой подать, и К. уже можно было немного размять руки, — я очень удивлён, что ты осмеливаешься под свою ответственность возить меня, неужели тебе это разрешили?

Герштекер не обратил на это никакого внимания и спокойно продолжал шагать рядом с лошадёнкой.

— Эй! — крикнул К., сгрёб с саней немного снега и ударил им Герштекера по уху. Только тут возница остановился и обернулся; но когда К. увидел его так близко от себя — сани продвинулись ещё немного, эта сгорбленная, в какой-то степени избитая фигура, красное, усталое, узкое лицо с какими-то разными щеками, одна плоская, другая впалая, открытый, открывающийся рот, в котором было всего несколько уцелевших зубов, — всё это заставило его повторить то, что он раньше говорил из злобы, теперь из жалости, будь то Герштекер или нет, его нельзя наказывать за то, что он согласился перевезти К.

— Чего ты хочешь? — с раздражением спросил Герштекер, но не стал дожидаться дальнейших объяснений, стал понукать лошадёнку, и они снова поехали.

Глава II

К тому времени, когда они (К. понял это по повороту дороги) были почти у трактира, к его удивлению, уже совсем стемнело. Неужели его не было так долго? Однако, по его расчётам, прошло всего час или два, не больше, и утром он ушёл, не испытывая голода, и до недавнего времени дневной свет был ровным, только теперь упало это затмение.

«Короткие дни, короткие деньки!» — сказал он себе, соскользнул с саней и пошёл к хозяйскому дому.

На маленькой парадной лестнице дома, приветствуя его, стоял хозяин и светил ему высоко поднятым фонарём.

Мимолётно вспомнив возчика, К. остановился, где-то в темноте слышался кашель, это был он. Что ж, в следующий раз они встретятся снова. Только когда он был наверху вместе с хозяином, который только тут смиренно поздоровался, он заметил по одному человеку по обе стороны двери. Он взял фонарь из рук хозяина и осветил этих двоих; это были люди, с которыми он уже сталкивался и которых звали Артур и Иеремия.

Теперь они салютовали ему. Вспомнив свою военную службу, те счастливые времена, он засмеялся.

— Кто вы? — спросил он, переводя взгляд с одного на другого.

— Ваши помощники! — ответили они в голос.

— Это помощники! — тихо подтвердил хозяин.

— Как? — спросил К., — Вы и есть мои старые помощники, которые должны были приехать ко мне, и которых я ожидаю?

Они ответили утвердительно, кивнув одновременно, как два китайских болванчика.

— Это хорошо! — сказал К. через некоторое время, — это хорошо, что вы приехали! — Кстати, — добавил он ещё через некоторое время, — вы очень припозднились, вы что-то слишком нерасторопны! Мне это не нравится!

— У нас был долгий путь! — сказал один из них.

— Да, далековато, — согласился К., — но я встретил вас, как только вы вышли из замка!

— Да! — сказали они без дальнейших объяснений.

— Где ваши инструменты? — спросил К.

— У нас их нет! — сказали они в один голос.

— Инструменты, которые я вам доверил? — сказал К.

Лицо К. вытянулось.

— У нас их нет! — повторили они вразнобой и как будто с сожалением.

— Ах, вы людишки! — сказал К., — Вы что-нибудь смыслите в землеустройстве?

— Нет! — сказали они и восхищённо посмотрели друг на друга.

— Но если вы мои старые помощники, вы должны хоть в чём-то смыслить! Вы должны уже всё уметь! — сказал К., толкая дверь перед собой и входя в дом. Затем они втроём довольно долго молча сидели в трактире за кружкой пива, за маленьким столиком, К. в центре, справа и слева помощники. В остальном только один стол был занят фермерами, как и накануне вечером.

— С вами будет трудно! — сказал К., сличая их лица, как часто делал всегда, — Как же мне вас отличить? Вы отличаетесь только именами, иначе вы похожи друг на друга., — он запнулся, затем невольно продолжил, — иначе вы действительно похожи друг на друга, как две моли или... как две капли мочи!

Они заулыбались.

— В остальном все нас хорошо различают! — хором сказали они как бы в оправдание, — Вообще мы отличаемся!

— Готов поверить, — сказал К., — я сам свидетель, но так как я вижу своими глазами, хочу сказать, отличить вас практически невозможно! Две моли в поисках буфета! Поэтому я буду относиться к вам как к одному человеку и буду называть вас обоих Артуром, ведь так зовут одного из вас, не так ли? Ты, что ли, Артур? — спросил К. одного, — Артур, иди сюда!

— Нет! — сказал тот, — меня зовут Иеремия.

— Да всё равно! — сказал К., — Я буду называть вас обоих Артуром. Если я отправлю Артура куда-нибудь, вы оба уходите, если я даю Артуру работу, вы оба выполняйте её беспрекословно, хотя у меня есть большой недостаток в том, что я не могу использовать вас для работы по-отдельности, но преимущество в том, что вы выполняете всё, что я вам поручаю, вместе, нераздельно. И вдвоём несёте за всё ответственность! Мне безразлично, как вы распределяете работу между собой, только вы не должны оправдываться друг перед другом, сколько бы вас ни было, вы для меня один человек!

Они подумали об этом и сказали:

— Нам это было бы очень неудобно!

— Как же нет, — сказал К., — конечно, вам должно быть неудобно, но это так и будет!

Некоторое время К. видел, как один из фермеров пробирался к столу, наконец он решился, подошёл к столу и сказал:

— Это было бы очень неприятно!

— Как бы то ни было, — сказал К., — Конечно, вам должно быть неприятно, но так оно и будет!

Тут К. Заметил, что какой-то крестьянин всё время нерешительно бродит вокруг них, не решаясь обратиться.

Наконец он подошёл к помощнику и хотел что-то ему шепнуть.

— Простите! — сказал К., хлопнув рукой по столу и вставая, — это мои помощники, и у нас сейчас совещание. Никто не имеет права нам мешать!

— Пожалуйста, пожалуйста! — испуганно сказал крестьянин и вернулся к своей компании.

— Это то, на что вы должны обратить особое внимание! — сказал К., снова садясь, — Вам не разрешается ни с кем разговаривать без моего разрешения. Я здесь чужой, и если вы мои старые помощники, то и вы здесь тоже чужие. Поэтому мы, трое незнакомцев, должны держаться вместе, так что протяните мне свои руки!

Слишком охотно они протягивали свои лапы загибающие к К.

— Оставьте свои шуточки, — сказал он, — уберите клешни, но мой приказ остаётся в силе! Сейчас я пойду спать, и вам я тоже советую это сделать. Сегодня мы пропустили рабочий день, завтра работа должна начаться очень рано. Вы должны нанять сани, чтобы доехать до замка, и быть с ними наготове здесь, перед домом, в шесть часов!

— Хорошо! — сказал один из них. Но другой вмешался:

— Вы говорите: хорошо, но знайте, что это невозможно!

— Успокойся, — сказал К., — вы, наверное, хотите начать отличаться друг от друга? Каждый по-своему, вразнобой?

Но первый уже сказал:

— Он прав, это невозможно, ни один посторонний не может войти в замок без разрешения!

— Где нужно спрашивать разрешения?

— Я не знаю, может быть, у кастеляна!

— Тогда мы позвоним туда по телефону, немедленно звоните кастеляну, оба!

Они подбежали к аппарату, получили связь — как они там толкались, эти внешне подострастные слуги! Внешне они были до смешного послушны — и спросили, может ли К. при-

соединиться к ним завтра по пути в замок. Ответ «Нет!» застал К. согнувшимся у стола. Но ответ был ещё более громким и подробным, он гласил:

— Ни завтра, ни в другой раз!

— Я сам позвоню! — сказал К. и встал, и хотя до сих пор как на К., так и на его помощников обращали мало внимания, если не считать инцидента с одним фермером, его последнее замечание привлекло всеобщее внимание.

Все поднялись вместе с К., и, хотя хозяин пытался оттеснить их, они столпились вокруг аппарата тесным полукругом.

У всех преобладало мнение, что К. вообще не получит ответа.

К. вынужден был попросить их сохранять спокойствие, он не требовал, чтобы они выслушали его мнение.

Из наушника доносилось одно только противное жужжание, подобного которому К. никогда не слышал, разговаривая по телефону. Это было похоже на то, как если бы из жужжания бесчисленных детских голосов составили скверный хор — но и это жужжание не было чем-то целым, а было отголоском пения каких-то далёких, самых отдалённых голосов, — как если бы из этого жужжания совершенно невозможным образом образовался один высокий, но сильный голос, бьющий по уху, как если бы они пели, как если бы они пели, как если бы они пели, как если бы они пели, как если бы они пели, как если бы они пели, как если бы они пели, как если бы они пели, как если бы они пели, как если бы они пели, пробуя проникнуть глубже, чем просто влезть в чей-то жалкий слух, проникнуть в чьё-то закрытое ухо.

К. слушал, не разговаривая по телефону, опираясь левой рукой на телефонный пульт, и слушал так. Он не знал, как долго это продолжалось; так долго, пока хозяин не выдержал и не дёрнул его за штаны, говоря, что за ним пришёл гонец.

— Прочь! — закричал К. возможно, он просто не мог справиться с телефоном, потому что кто-то звонил.

Завязался следующий разговор:

— Вот здесь я, Освальд, кто там? — раздался строгий, надменный голос, с небольшой, как показалось К., картавостью, которую он пытался компенсировать, выходя за рамки, ещё одним только добавлением строгости. К. не решался назвать себя, он стоял напротив телефона. беззащитный, другой мог ударить его, убрать наушник, и К. преградил себе, возможно, путь к отступлению. Нерешительность К. вывела мужчину из себя и сделала его нетерпеливым.

— Кто там? — повторил он и добавил, — Мне было бы очень приятно, если бы там не было так много звонков, мне только минуту назад звонили!

К. не обратил внимания на это замечание и с внезапной решимостью сообщил:

— Здесь помощник господина землемера!

— Какой помощник? Какой господин? Какой землемер?

К. вспомнил вчерашний телефонный разговор.

— Спросите Фрица! — коротко сказал он. Это помогло, к его собственному изумлению. Но даже больше, чем то, что это помогло, он был поражен тупостью тамошной службы. Ответ был:

— Я уже знаю. Вечный землемер. Да, да. Что дальше? Какой помощник?

— Йозеф! — сказал К. Его немного беспокоило бормотание крестьян за его спиной; очевидно, они были не согласны с тем, что он неправильно выразился, разговаривая со столь важными персонами.

Но у К. не было времени препираться с ними, потому что разговор очень занимал его.

— Йозеф? — спросил он в ответ.

— Помощников зовут... — небольшая пауза, очевидно, кто-то попросил разъяснений у кого-то другого.

— Артур и Иеремия. Это новые помощники! — сказал К.

— Нет, это старые!

— Это новые, а я старый, который пришёл сегодня за господином землемером!

— Нет! — заорали в трубку.

— Так кто же я? — спросил К. спокойно, как и раньше. И после паузы тот же самый голос с той же картавостью, но каким-то другим, более глубоким, более уважительным голосом сказал:

— Ты старый помощник!

К. прислушался к звуку голоса и почти не расслышал вопроса: «Чего ты хочешь?»

Скорее всего, он бы уже положил трубку. Это нужно было сделать! От этого разговора он больше ничего не ожидал. Только вынужденный, он быстро спросил: «Когда мой господин может приехать в замок?»

— Никогда! — отрезали в ответ.

— Хорошо! — сказал К. и повесил трубку. Крестьяне позади него уже подошли к нему совсем близко и напирала всей толпой. Помощники, искоса поглядывая на него, были заняты тем, что уговаривали крестьян отойти от него. Это казалось всего лишь комедией, и крестьяне, удовлетворённые результатом разговора, постепенно уступили.

И тут сзади их группу быстрым шагом разрубил человек, который поклонился К. и передал ему письмо. К. держа письмо в руке, смотрел на человека, который мгновенно показался ему более важным, чем кто-либо.

Между ним и помощниками было большое сходство: он был таким же стройным, как они, так же скудно одет, так же подвижен и проворен, как они, но всё же был совершенно другим.

Лучше бы К. взял его в помощники! Он чем-то напомнил ему женщину с младенцем, которую он видел у кожевенника. Он был одет почти во всё белое, платье, вероятно, было не из шёлка, это было зимнее платье, как и все остальные, но в нём была нежность и торжественность шёлкового наряда.

Его лицо было светлым и открытым, глаза огромными. Его улыбка была безмерно ободряющей; он провёл рукой по лицу, словно пытаясь согнать эту улыбку, но ему это не удалось.

— Кто ты? — спросил К.

— Меня зовут Варнава! — сказал он, — Я посланник!

Его губы, мужественные, но нежные, открывались и закрывались, когда он говорил.

— Тебе здесь нравится? — спросил К. и указал на крестьян, к которым он всё ещё не потерял интереса и которые смотрели на него с совершенно измученными лицами — череп одного выглядел так, словно его расплющили сверху, а черты лица исказились от боли, — с выпяченными губами, с открытым ртом, иной раз его взгляд начинал бегать и, прежде чем вернуться, на мгновение останавливался на каком-нибудь безразличном предмете, и тогда К. и помощники, которые обнимали друг друга, прислонившись щекой к щеке и улыбаясь, неизвестно, смиренно или насмешливо, показали ему всё это, как будто он представлял свиту, навязанную ему особыми обстоятельствами, и ожидал — в этом и заключалась конфиденциальность, что и требовалось К., — что все они будут окружены. Варнава так или иначе должен проводить различие между ними и им.

Но Варнава — правда, со всей невинностью, это было очевидно — не обратил на вопрос никакого внимания, пропустил мимо ушей, как воспитанный слуга, только, казалось бы, сказал определённое господом слово, оглянулся только в смысле вопроса, приветствовал крестьян знакомыми взмахами рук и обменивался любезностями с помощниками, сказав всего несколько слов, всё это свободно и независимо, не смешиваясь с ними.

К. — отвергнутый, но не пристыженный — вернулся к письму в своей руке и вскрыл его.

Его формулировка была такой:

«Уважаемый сэр!

Они, как вы знаете, приняты на службу к лордам. Ваш ближайший начальник — это общинный староста деревни, который также может предоставить вам всё необходимое. Он более подробно расскажет о своей работе и условиях оплаты, а также о том, за что они будут нести ответственность. Но, несмотря на это, я тоже не собираюсь упускать их из виду. Варнава, доставивший это письмо, будет время от времени обращаться к вам, чтобы узнать ваши пожелания и сообщить мне. Вы всегда найдёте меня готовым оказать вам услугу, насколько это возможно. Мне важно, чтобы все работники были довольны».

Подпись была неразборчивой, но на ней было напечатано: Правление Х. канцелярии.

— Подожди! — сказал К. кланяющемуся Варнаве, затем позвал хозяина, чтобы тот показал ему комнату, он хотел побыть некоторое время наедине с письмом. При этом он вспомнил, что Барнабас, несмотря на всю свою привязанность к нему, всё же был не кем иным, как всего лишь посыльным, и велел подать ему пива. К. Внимательно наблюдал, как тот его примет, но тот принял пиво с явным удовольствием и сразу выпил.

Затем К. ушел с хозяином. В кдомике для К. Не нашлось ничего, кроме маленькой мансарды, и даже это создавало трудности, потому что двух горничных, которые до сих пор спали там, пришлось разместить в другом месте. На самом деле ничего не было сделано, кроме того, что горничные ушли, комната, вероятно, осталась прежней, на единственной кровати не было постельного белья, только несколько подушек и конских попон в том состоянии, в котором всё осталось после прошлой ночи. На стене несколько изображений святых и фотографии каких-то солдат. Даже не проветрили, видимо, надеялись, что новый гость задержится ненадолго, и не стали его задерживать.

К. со всем согласился, завернулся в одеяло, сел за стол и при свече начал перечитывать письмо. Письмо было составлено, как будто кучей разных людей, были места, где с ним говорили как со свободным человеком, чью волю признают, таков был заголовок, таковы были места, касающиеся его желаний, но снова и снова были места, где к нему относились как к какому-то ничтожеству, как к маленькому, едва заметному с высот совета работяге и обращались так, как будто правлению оприходится постараться «не упустить его из виду», его начальником был только сельский староста, которому он даже вроде бы подотчётен, его единственным коллегой, возможно, был сельский полицейский.

Это, несомненно, были противоречия, они были настолько очевидны, что не могли не быть непреднамеренными. Бредовые мысли такого авторитета о том, что здесь замешана нерешительность, почти не беспокоили К. Скорее, он видел в этом открытый ему выбор, и ему оставалось решить, что он хочет делать с инструкциями письма, выбирать, будь он сельский рабочий, имеющий хоть и заметную, но лишь мнимую связь с замком, или же он должен был оставаться кажущимся деревенским рабочим, который в действительности позволил всему своему трудовому положению определяться новостями от Варнавы, и К. не колеблясь в выборе, отбросил это, в этом он не колебался бы и без опыта, который у него уже был.

Только как деревенский подёнщик, наёмный рабочий, по возможности восхищенный хозяевами замка, и пресмыкающийся перед ними, он мог чего-то добиться в замке, эти деревенские люди, которые по инерции недоверчиво относились к нему, начали бы говорить, что если он не стал их другом, то стал их товарищем по несчастью, и вопрос состоял бы только в том, был ли он когда-нибудь неотличим от них — от Герштекера или Лаземана, или стал таким же, как они, а это должно было произойти очень быстро, от этого зависело всё, — тогда перед ним одним махом открылись бы все пути, которые, если бы дело касалось только господ наверху и их милости, навсегда остались бы для него не только закрытыми, но и невидимыми.

Конечно, опасность существовала, и она была достаточно подчёркнута в письме, с некоторым удовольствием изображалась так, как будто она неотвратима. Опасность стать рабочим.

Служба, начальник, работа, условия оплаты, подотчетность, рабочие — всё это было в письме, и даже если говорилось что-то другое, более личное, это было сказано только с этой низменной точки зрения.

Если бы К. хотел стать рабочим, он мог бы легко им стать, но тогда совершенно серьёзно, без всякой перспективы попасть куда-либо ещё. К. знал, что реальной угрозы принуждения нет, он не боялся её, здесь это было возможно меньше всего, но тягости унылой обстановки, привычки к разочарованиям, насилия незаметных влияний каждого момента, случайностей, он, конечно, боялся, но с этими подводными камнями и опасностями он должен был решиться на борьбу сам. В письме также не скрывалось, что, если бы дело дошло до драки, К. имел смелость начать; это было сказано деликатно, и только беспокойная совесть — беспокойная, не плохая, но беспокойная — могла это заметить, это были три слова «как вам известно», касающиеся его поступления на службу. К. явился, и с тех пор он знал, как выражается письмо, что он принят. К. снял со стены картину и повесил письмо на гвоздь; в этой комнате он будет жить, вот где должно висеть письмо.

Затем он спустился в хозяйскую комнату. Барнабас сидел за столиком с помощниками.

— Ах, вот и ты! — сказал К. без повода, просто потому, что был рад видеть Барнабаса. Едва К. вошёл, крестьяне поднялись, чтобы подойти к нему, у них уже вошло в привычку всегда бегать за ним.

— Чего вы все хотите от меня? — воскликнул К. Они не обиделись и медленно, как будто подмороженные, вернулись на свои места. Один из них, уходя для объяснений, сказал легко, с едва заметной ухмылкой, которую уловили некоторые другие:

— От вас всегда можно услышать что-то новенькое!

И облизал губы, как будто это новое было едой. К. он не сказал ничего примирительного, было хорошо, если они проявили к нему немного уважения, но едва он сел с Варнавой, как почувствовал на шее дыхание фермера; он пришёл, как он сказал, за бочонком с солью, но К. вскочил и с досады так шикнул, отчего фермер стремительно ретировался уже без бочонка с солью.

Вывести из себя К. было действительно легко, надо было только настроить, например, крестьян против него, и упорная назойливость одних казалось ему более неуместной и вредной, чем замкнутость других, и, кроме того, это была отрешённость замкнутости, потому что, если бы К. сел к ним за стол, они, конечно, не остались бы там сидеть и мигом соскочили бы и разбежались.

Только присутствие Варнавы мешало ему поднять шум. Но он всё же угрожающе повернулся к ним, и они тоже повернулись к нему. Но когда он увидел их сидящими вот так, каждый на своём месте, без междусобойных разговоров друг с другом, без видимой связи одного с другим, связанными только тем, что все они смотрели на него, ему показалось, что это вовсе не злоба заставила их преследовать его; возможно, они действительно хотели чего-то от него, они просто не могли ему этого сказать, и если бы это было не так, то, возможно, это было просто ребячество, которое, казалось, чувствовало себя здесь как дома; разве не по-детски вёл себя хозяин, который держал обеими руками стакан пива, который должен был принести любому гостю, остановился, посмотрел на К. и услышал возглас хозяйки, которая наклонилась вперёд из кухонного окна?

К. спокойно обратился к Варнаве с просьбой удалить помощников, но тот не нашёл предлога. Кстати, они молча уткнули лица в своё пиво.

— Письмо, — начал К., — я прочитал. Ты знаешь содержание?

— Нет! — сказал Барнабас, его взгляд, казалось, говорил больше, чем его слова. Возможно, К. ошибался здесь, слишком хорошо к нему относясь, так и в крестьянах, которыми брезговал, но его присутствие было ему приятно.

— В письме также говорится о тебе, ты должен время от времени передавать сообщения между мной и Советом, поэтому я подумал, что ты знаешь содержание!

— Я получил, — сказал Барнабас, — только приказ передать письмо и подождать ответа.

— Хорошо, — сказал К., — никакого письма не требуется, обратитесь к господину советнику — как его зовут?

— Не знаю!

— Хорошо, — сказал К., — будем считать, что пока оно не прочитано и, если вам покажется необходимым, верните ответ, устный или письменный. Я не смог прочесть подпись.

— Заткнись! — внезапно обронил Барнабас.

— Так что передайте господину Кламму мою благодарность за приём и за его особую человеческую доброту, которую я, как человек, ещё не зарекомендовавший себя здесь, ценю. Я буду вести себя полностью в соответствии с его пожеланиями. У меня же особых пожеланий сегодня нет.

Варнава, который точно всё записал, тут же попросил, чтобы ему разрешили повторить поручение перед К. К. разрешил, Варнава повторил всё дословно. Затем он встал, чтобы попрощаться. Все это время К. изучал его лицо, и теперь сделал это в последний раз.

Варнава был примерно такого же роста, как К., но всё же его взгляд, казалось, был устремлен на К., но это происходило почти смиренно, невозможно было, чтобы этот человек кого-то стыдил. Правда, он был всего лишь посыльным, не знал содержания писем, которые должен был передать, но и его взгляд, его улыбка, его походка, казалось, были посланием, пусть он и не знал об этом.

И К. протянул ему руку, что, по-видимому, удивило его, потому что Барнабас хотел только поклониться. Как только он ушёл — перед тем как открыть дверь, он ещё немного постоял, прислонившись плечом к двери, и обвёл комнату долгим прощальным взглядом, который больше ни к кому не относился.

К. сказал помощникам:

— Я принесу из комнаты свои записи, и тогда мы обсудим завтрашнюю работу!

Они хотели пойти с нами.

— Оставайтесь здесь! — сказал К.

Они всё ещё хотели пойти с ним. К. пришлось повторить приказ ещё строже. В коридоре Барнабаса уже не было. Но ведь он только что ушёл. Но и перед домом, где выпал новый снег, К. его не увидел. Перед домом не было и никаких свежих следов.

Он крикнул:

— Варнава!

Нет ответа.

«Мог ли он остаться и пребывать в доме? Казалось, другого выхода не было». Несмотря на это, К. продолжил выкрикивать это имя изо всех сил. Это имя гремело в ночи.

И вскоре издали донесся слабый ответ. Итак, Варнава был уже далеко. К. позвал его обратно и в то же время пошёл ему навстречу; там, где они встретились, из трактира их уже не было видно.

— Барнабас, — сказал К., не в силах сдержать дрожь в голосе, — я хотел сказать тебе ещё вот что. При том, что я понимаю, что всё тут устроено довольно гадко, и я вынужден полагаться только на твоё случайное появление; если мне понадобится что-нибудь из замка, как тебя найти? Если бы я случайно не встретился с тобой сейчас — когда ты летишь, как угорелый, я бы подумал, что ты всё ещё в доме, — кто знает, как долго мне пришлось бы ждать твоего следующего визита?

— Ты можешь, — сказал Барнабас, — попросить правление, чтобы я всегда приходил к определенным часам, во время, указанное тобой, я приду!

— Даже этого было бы недостаточно, — сказал К., — может быть, я и не хотел бы ничего говорить в течение года, но всего через четверть часа после того, как ты ушёл, что-то неотвратимое...

— Так должен ли я, — сказал Варнава, — сообщить Совету директоров, что между ним и тобой должна быть установлена иная связь, чем через меня?

— Нет, нет, — сказал К., — вовсе нет, я упомянул об этом лишь мимоходом, на этот раз я все-таки тебя осчастливию!

— Не следует ли нам, — сказал Барнабас, — вернуться в трактир, чтобы вы могли дать мне там новое поручение?

Он уже сделал поспешный шаг по направлению к дому, как получил ответ.

— Барнабас, — сказал К., — в этом нет необходимости, я просто немного пройду с тобой!

— Почему ты не хочешь пойти в трактир? — спросил Барнабас.

— Меня там люди беспокоят! — сказал К., — Ты сам видел напористость этих крестьян.

— Мы можем пойти в твою комнату! — сказал Барнабас.

— Это комната служанок, — сказал К., — грязная и унылая; чтобы не оставаться там, я хотел немного пройтись с тобой; ты только должен, — добавил К., чтобы окончательно преодолеть своё колебание, — позволить мне держаться за тебя, потому что ты идешь увереннее!

И К. повис на его руке. Было совсем темно, К. не видел его лица, фигура Барнабаса была неясной, К. уже некоторое время пытался нащупать его руку. Барнабас уступил, и они удалились от таверны. Правда, К. чувствовал, что, несмотря на все свои усилия, он не может идти в ногу с Варнавой, мешает ему свободно двигаться и что при обычных обстоятельствах из-за этого пустяка всё должно было бы потерпеть неудачу, даже в переулках, подобных тому, где К. утром провалился в снег и из которого его мог освободить только Варнава. Но теперь он отогнал от себя подобные опасения, его утешало и то, что Варнава молчал; если они шли молча, то и для Варнавы только продолжение их пути могло стать целью их встречи. Они шли, но К. не знал, куда; он ничего не мог разглядеть. Он даже не знал, прошли ли они уже мимо церкви. Из-за трудностей, которые причиняла ему простая ходьба, случалось, что он не мог совладать со своими мыслями. Вместо того, чтобы оставаться сосредоточенными на цели, они запутались.

Снова и снова в памяти всплывала родина, и воспоминания о ней переполняли его. Там тоже на главной площади стояла церковь, частично окруженная старым кладбищем и высокой стеной. Очень немногие мальчики лазили по этой стене, в том числе и К. пока не удавалось перелезть через неё. Не любопытство толкало их на это, кладбище больше не было для них великой тайной. Они уже много раз проникали внутрь через его маленькую решётчатую дверь, а им хотелось преодолеть только гладкую высокую стену.

Однажды утром... тихая, пустая площадь была залита светом, когда К. когда-нибудь раньше или позже видел её такой? это на удивление легко ему это удалось; в одном месте, откуда он уже несколько раз свалился, он взобрался, зажав в зубах маленький флажок, стена еще при первом заходе осыпалась под ним, но он уже был наверху. Он трепал флаг, ветер трепал полотнище, он смотрел вниз и по кругу, даже через плечо, на утопающие в земле кресты; Сейчас и здесь выше его никого не было. Случайно мимо проходил учитель и смерил К. раздраженным взглядом. Во время прыжка К. повредил колено, с трудом добрался до дома, но всё же он добрался до стены. Ощущение этой победы, казалось, давало ему опору на всю долгую жизнь, что было не совсем глупо, потому что теперь, после многих лет, проведенных в снежной ночи на руках у Варнавы, оно пришло ему на помощь.

Он вцепился покрепче, Барнабас почти тащил его, молчание не прерывалось. О маршруте К. знал только то, что, судя по состоянию дороги, они ещё не свернули ни в один переулок. Он поклялся себе, что не позволит никаким трудностям пути или даже беспокойству о возвра-

щении помешать ему двигаться дальше. Вероятно, для того, чтобы в конечном итоге его можно было проташить дальше, его сил все равно хватило бы. Да и мог ли этот путь быть бесконечным? Днём замок казался ему легкой мишенью, и гонец, несомненно, знал кратчайший путь.

Тут Варнава остановился. Где они были? Больше ничего не происходило. Хотел или не хотел Барнабас проститься бы с К., ему это не удавалось. К. так крепко держал руку Барнабаса, что ему самому стало почти больно. Или произошло невероятное, и они уже были в замке или у его ворот? Но стены наверху, насколько знал К., вовсе не увеличились. Или это Варнава специально повёл его по такой незаметно поднимающейся тропе?

— Где мы? — тихо спросил К., больше для себя, чем для него.

— Дома! — так же сказал Барнабас.

— Дома?

— А теперь будь осторожен, господи, помоги, чтобы не оступиться. Дорога здесь идёт вниз! Тут уклон!

— Вниз?

— Это всего несколько шагов! — добавил он, уже стуча в дверь. Девушка открыла; они стояли на пороге большой гостиной почти в полной темноте, потому что только над столом слева на заднем плане чадила крошечная масляная лампа.

— Кто это там с тобой, Барнабас? — спросила девушка.

— Землемер! — сказал он.

— Землемер? — повторила девушка громче, направляясь к столу. Затем там поднялись двое стариков, мужчина и женщина, и ещё одна девушка. К. поздоровался. Варнава представил всех, это были его родители и его сестры Ольга и Амалия.

К. едва взглянул на них, с него сняли мокрую робу, чтобы высушить её у печи. К. позволил это сделать. Значит, их не было дома, дома был только Варнава. Но почему они были здесь?

К. отвел Варнаву в сторону и спросил:

— Почему ты пошёл домой? Или ты уже живешь около замка?

— Около замка? — повторил Варнава, как будто не понимая К.

— Варнава, — сказал К., — ты же хотел из трактира пойти в замок?

— Нет, мой господин, — сказал Варнава, — я хотел пойти домой! Я рано только в замке ложусь, я там никогда не сплю! Там не до сна!

— Так вот, — сказал К., — значит, ты не хотел идти в замок, а шёл сюда?

Он кивнул. Его улыбка казалась тусклее, чем он сам.

— Почему ты не сказал мне этого?

— Ты ни о чём не спрашивал меня, господин! — сказал Варнава, — Ты просто хотел дать мне ещё одно поручение, но ни в столовой, ни в своей комнате, я подумал, что ты мог бы спокойно дать мне поручение здесь, у моих родителей. Все они уйдут сразу же, как ты прикажешь; и ты мог бы, если тебе больше нравится у нас, переночевать здесь. Разве я поступил неправильно?

К. не смог ответить.

Итак, это было недоразумение, подлое, низкое недоразумение, обман, и К. всецело отдался ему. Барнабас был очарователен в этом узком, блестящем шёлковом пиджаке, который тот сейчас расстегнул, и под которым явилась грубая, грязно-серая, вся латанная-перелатанная рубашка, обтягивающая мощную, угловатую грудь слуги.

И всё вокруг было под стать этому, и даже превосходило это: старый подагрический отец, который продвигался вперёд скорее ощупывая всё руками, чем медленно передвигаясь на негнущихся ногах, мать со сложенными на груди руками, которая из-за своей полноты могла делать только самые маленькие шажки.

Оба, отец и мать, поспешили к К. из своего угла и долго не могли до него добраться. Сёстры, блондинки, похожие друг на друга и на Варнаву, но с более жёсткими чертами лица,

чем у Варнавы, большие, сильные служанки, окружили прибывших и ожидали какого-нибудь приветственного слова от К. Но он ничего не мог сказать, хотя верил, что здесь, в деревне, всё имеет значение, и, наверное, так оно и было, только оказалось, что вот эти люди здесь его совсем не волновали. Если бы он был в состоянии самостоятельно дойти до дома, он бы сразу ушёл. Возможность пораньше отправиться с Барнабасом в замок его совсем не прельщала.

Теперь ночью, сам того не замечая, он хотел бы проникнуть в замок, ведомый Варнавой, но тем Варнавой, каким он представлялся ему до сих пор, человеком, который был ему ближе всех, кого он видел здесь до сих пор, и который, как он в то же время верил, был намного выше его по всей видимости, и ранг его был тесно связан с замком. Но с сыном этой семьи, к которой он всецело принадлежал и с которой уже сидел за столом, с человеком, которому, что характерно, не разрешалось даже спать в замке, идти в замок под руку в светлое время суток было невозможно, это была смехотворно безнадёжная попытка. К. сел на подоконник, решив также провести там ночь и не пользоваться никакими услугами со стороны семьи.

Люди из деревни; те, кто прогонял его или кто боялся его, казались ему более опасными, потому что они, в сущности, указывали ему на него самого, помогали ему собраться с силами; но такие кажущиеся помощники, которые вместо того, чтобы вести его во дворец, благодаря небольшому маскараду, к своим семьям, отвлекали его, независимо от того, были ли они хотели они того или нет, работали над разрушением самих себя. Он даже не обратил внимания на приветственный возглас с семейного стола и, опустив голову, остался сидеть на своей скамье.

Тогда Ольга встала, самая кроткая из сестёр, в ней не было и следа девичьего смущения, подошла к К. и попросила его подойти к столу. Там приготовлены хлеб и бекон, ещё принесут пива.

— Откуда? — спросил К.

— Из трактира! — сказала она. Это было очень кстати для К. Он попросил их не брать пива, но проводить его в трактир, у него там ещё остались важные дела. Но теперь выяснилось, что она хотела ехать не так далеко, не в его трактир, а в другой, гораздо более близкий, усадьбный дом, и всё же К. попросил разрешения сопровождать её, может быть, подумал он, там найдётся место для его ночлега; как бы она ни хотела, он бы его нашёл и, надо думать, предпочтительнее лучшей кровати здесь, в доме. Ольга ответила не сразу, оглядывая стол. Потом брат встал, с готовностью кивнул и сказал:

«Если Господу будет угодно!»

Согласившись на всё, потом отозвать это согласие на просьбу мог только совершенно никчёмный человек. Но когда обсуждался вопрос о том, примут ли К. в дом, и все сомневались в этом, он всё же настоял на своём, хотя и не потрудился придумать вразумительную причину своей просьбы; эта семья должна была принять его таким, какой он есть, он в некотором смысле имел на это право, чтобы не испытывать никакого чувства стыда перед ней.

Только Амалия немного сбивала его с толку своим серьёзным, прямым, невозмутимым, может быть, даже несколько туповатым взглядом. По короткой дороге в трактир — К. привязался к Ольге и увлёкся ею; он ничего не мог с собой поделать, почти так же, как раньше увлекался её братом, — он узнал, что этот трактир на самом деле предназначен только для господ из замка, которые, когда им нужно было что-то сделать в деревне, приходили туда, ели и даже иногда ночевали. Ольга разговаривала с К. спокойно, как будто давно была с ним знакома, и на короткой ноге, с ней было приятно гулять, почти как с братом. К. пытался сопротивляться этому чувству благодати, но несмотря ни на что оно сохранялось. Трактир был внешне очень похож на постоянный двор, в котором жил К. В деревенском быту здесь вообще не было больших внешних различий, но небольшие различия всё же были заметны — передняя лестница имела перила, а над дверью был прищипандорен новый, красивый фонарь.

Когда они вошли, над их головами развевалось полотнище — это был флаг графских цветов. В коридоре их встретил хозяин, по-видимому, наблюдавший за ними; маленькими глазками, испытующе и сонно, он смотрел на К.

— Конечно, — сказала Ольга, которая сразу же подошла к К., — он только сопровождает меня!

Будучи неблагодарным, К. сразу отошёл от Ольги и отвёл хозяина в сторону.

Ольга тем временем терпеливо ждала в конце коридора.

— Я хотел бы остаться здесь на ночь! — сказал К.

— К сожалению, это невозможно! — сказал хозяин.

«Они, кажется, ещё не знают. Дом предназначен исключительно для хозяев замка» — прочитал он в глазах хозяина.

— Это может быть предписанием, — сказал К., — но я, конечно, могу пристроиться и лечь спать где-нибудь в уголке!

— Я был бы чрезвычайно рад принять вас, — сказал хозяин, — но, несмотря на строгость правил, о которых вы говорите, как о чём-то вас не касающемся, это неосуществимо ещё и потому, что господины чрезвычайно чувствительны, и я убеждён, что они неспособны, по крайней мере, неподготовлены, вынести вид незнакомца; так что, если бы я позволил вам остаться здесь, и вы были бы обнаружены случайно — а совпадения всегда бывают со стороны господинов — не только я был бы потерян, но и вы сами. Это звучит нелепо, но это правда!

«Потерян».

Этот высокий, крепко сложенный господин, который, опираясь одной рукой о стену, а другой о бедро, скрестив ноги, слегка наклонившись к К., разговаривал с ним конфиденциально, казалось, уже не принадлежал к деревне, хотя всё ещё оставался её хозяином, а его тёмное платье выглядело просто по-крестьянски празднично.

— Я вам всецело верю! — сказал К., — И я вовсе не недооцениваю значение этого предписания, хотя и, простите, выражаюсь, возможно, неуклюже. Я хочу обратить ваше внимание только на одно: у меня есть ценные связи в Замке, а я получу ещё более ценные, они защитят вас от любой опасности, которая может возникнуть в результате моего пребывания здесь, и ручаюсь вам, что я в состоянии сполна отблагодарить вас за небольшую услугу!

— Я знаю! — сказал хозяин и повторил ещё раз, — Я это знаю!

Именно этот ответ хозяина облегчил душу К., поэтому он спросил только:

— Много ли господинов из замка останавливаются здесь сегодня?

— В этом отношении сегодня это выгодно! — сказал хозяин как бы вскользь, — Остался только один господин!

К. всё ещё не мог настаивать и теперь надеялся, что его почти приняли; поэтому он спросил только имя господина.

— Заткнись! — сказал хозяин, поворачиваясь к своей жене, которая подошла в странно поношенной, несвежей, с оборками и складками, но красивой городской одежде. Она хотела позвать хозяина, у лорда Совета есть какое-то пожелание. Но прежде чем хозяин ушёл, он обратился к К., как будто не он сам, а К. принимал решение о ночлеге. Но К. ничего не мог сказать, особенно то обстоятельство, что его начальник был здесь в это время, сбило его с толку. Не имея возможности полностью объяснить это самому себе, Клейм чувствовал себя не так свободно по отношению к замку, как обычно; для К., конечно, не было бы ужасом для хозяина, если бы его застали здесь, но всё же это была бы случайная неловкость, как если бы он должен был с кем-то встретиться.

Благодарность была обязана легкомысленно причинить боль; при этом ему было тяжело видеть, что в такой обстановке очевидны уже страшные последствия подчинения рабочего, и что даже здесь, где они проявлялись отчетливо, он не был в состоянии с ними бороться. Так он и стоял, покусывая губы и ничего не говоря.

Ещё раз, прежде чем хозяин скрылся в дверях, он оглянулся на К. Тот посмотрел ему вслед и не двинулся с места, пока Ольга не подошла и не увела его.

— Что вам нужно от хозяина? — спросила она.

— Я хотел переночевать здесь! — сказал К.

— Вы же собирались ночевать у нас! — удивлённо сказала Ольга.

— Да, конечно! — сказал К., предоставив ей как угодно интерпретировать свои слова.

Глава III

В столовой, большой, совершенно пустой, посередине комнате, вдоль стен у бочек и на них сидели несколько крестьян, которые, однако, выглядели не так, как люди в трактире К. Они были одеты в чистую, приличную одежду из грубой ткани серо-жёлтого цвета, куртки были домоткаными, брюки облегающими. Это были маленькие, на первый взгляд очень похожие друг на друга мужчины с плоскими, костлявыми лицами, но с круглыми щёчками. Все они были спокойны и почти не двигались, только медленными и равнодушными взглядами провожали вошедших. Тем не менее, поскольку их было так много и потому что было так тихо, своим видом они оказали определенное влияние на К. Он снова взял Ольгу за руку, чтобы объяснить людям, что он здесь.

В углу поднялся мужчина, знакомый Ольги, и хотел подойти к ней, но К. повернул её в другую сторону, держа за руку. Никто, кроме неё, не мог этого заметить, она терпела это с улыбкой на лице. Пиво разливала молодая девушка, которую звали Фрида. Невзрачная, маленькая, светловолосая девочка с грустными глазами и худыми щеками, но удивлявшая своим взглядом, взглядом особого, невыразимого превосходства.

Когда этот взгляд упал на К., ему вдруг показалось, что этот взгляд уже касался К. и вещей, о существовании которых он сам ещё не знал, но в существовании которых его убедил этот взгляд. К. Упорно рассматривал Фриду со стороны, даже когда она уже разговаривала с Ольгой.

Ольга и Фрида не были подругами, они обменялись лишь несколькими холодными фразами. К. хотел помочь и поэтому сразу спросил:

— Вы знаете г-на Кламма?

Ольга расхохоталась.

— Почему ты смеёшься? — с досадой спросил К.

— Я уже не смеюсь! — сказала она, но продолжала смеяться.

— Ольга ещё совсем ребенок! — сказал К. и наклонился над подарочным столиком, чтобы еще раз пристально взглянуть на Фриду. Но она удержала его и тихо сказала:

— Вы хотите видеть господина Кламма?

К. кивнул.

Она указала на дверь слева от себя.

— Вот маленький глазок, вы можете взглянуть!

— А люди здесь? — спросил К. Она выпятила нижнюю губу и очень мягкой рукой потянула К. к двери. Через маленький глазок, просверленный, по-видимому, в целях наблюдения, он обзирал почти всю соседнюю комнату. За столом в центре комнаты, в удобном кресле с круглой спинкой, сидел, ярко освещенный висевшей перед ним электрической лампочкой, герр Кламм.

Среднего роста, толстый, грузный господин. Лицо его всё ещё было гладким, но щёки уже немного осунулись под тяжестью лет. Чёрные усы были длинноваты. Косо надетый зеркальный колпак закрывал глаза. Если бы господин Кламм сидел за столом полностью, К. видел бы только его профиль; но так как Кламм был сильно повёрнут к нему, он смотрел ему прямо в лицо. Левый локоть Кламма лежал на столе, правая рука, в которой он держал пистолет, покоилась на колене. На столе стоял пивной стакан; поскольку край стола был высоким, К. не мог разглядеть, лежат ли там какие-нибудь бумаги, но ему показалось, что он пуст. На всякий случай он попросил Фриду заглянуть в дыру и сообщить ему об этом. Но так как она недавно была в комнате, то она без труда подтвердила К., что там писем нет.

К. спросил Фриду, не пора ли ему уже уходить, но она сказала, что он может подглядывать, пока ему не надоест.

К. сейчас говорил наедине с Фридой, Ольга, как он мимолетно заметил, всё же нашла дорогу к своему знакомому, она сидела высоко на бочке и болтала ногами.

— Фрида! — шепотом сказал К., — Вы очень хорошо знаете господина Кламма?

— О да! — сказала она, — Прекрасно!

Она присела рядом с К. и игриво поправила, как К. только сейчас заметил, свою лёгкую кремовую блузку с вырезом, которая топрщилась на её бедном тельце, как чужая. Потом она сказала:

— Разве вы не помните смех Ольги?

— Да, она непослушная! — сказал К.

— Ну что ж, — примирительно сказала она, — повод для смеха был. Вы спросили, знаю ли я Кламма, и я всё же... — тут она невольно немного выпрямилась, и запнулась, и снова её победоносный, совершенно не связанный с тем, что было сказано, взгляд прошёлся по К., — я ведь его любовница!

— Любовница Кламма? — опешил К.

Она кивнула.

— Тогда вы, — сказал К., улыбаясь, чтобы не вызвать между ними излишней серьёзности, — для меня вполне респектабельный человек! Вип-персона, так сказать!

— Не только для вас! — сказала Фрида любезно, но и не принимая его улыбки. У К. было средство от её высокомерия, и он применил его, спросив:

— Как вы относитесь к этому человеку? —

Фрида любезно ответила, но и без его улыбки. К. нашёл средство от её высокомерия и применил его, спросив:

— Вы уже были в замке?

Но это не подействовало, потому что она ответила:

— Нет, но разве недостаточно того, что я здесь в качестве вкусняшки? Я работаю здесь буфетчицей!

Её честолюбие, по-видимому, было велико, и именно благодаря К., казалось, она хотела насытить его.

— Конечно, — сказал К., — здесь, в таверне, вы осваиваете работу хозяина!

— Так вот, — сказала она, — и я начала работать горничной в трактире «Мост».

— С такими нежными ручками? — спросил К. полушутя-полусерьёзно, и сам не знал, льстит ли он ей или действительно покорён ею. Руки у неё, правда, были маленькие и нежные; но и слабыми и ничего не говорящими их тоже нельзя было назвать.

— Тогда никто не обращал на это внимания, — сказала она, — и даже сейчас...

К. вопросительно посмотрел на неё. Она покачала головой, не желая продолжать разговор.

— Конечно, у них есть свои секреты, — сказал К., — и они не будут говорить о них с тем, кого знают полчаса и у кого ещё не было возможности рассказать им, как на самом деле обстоят дела с ними.

Но это было, как оказалось, неуместное замечание, как будто он пробудил Фриду от благоприятного для неё сна. Она достала из кожаной сумки, висевшей у неё на поясе, деревянную коробочку, заткнула ею глазок и сказала К., явно стараясь, чтобы он не заметил перемены в её настроении:»

— Что касается вас, то я всё знаю, вы землемер! — затем добавила, — Что касается вас, то я все знаю, вы землемер! — затем снова добавила: «А теперь мне пора за работу», и направилась к своему месту за раздаточным столом, в то время как кое-кто из присутствующих поднялся, чтобы попросить её наполнить пустой стакан. К. хотел еще раз незаметно поговорить с ней, поэтому взял с подставки пустой стакан и, поставив его на стол, сказал:

— А теперь я должен идти! — и направился к своему месту за раздаточным столом, в то время как люди тут и там поднимались, чтобы наполнить свои пустые стаканы. К. хотел ещё раз незаметно поговорить с ней, поэтому взял пустой стакан с подставки и пошёл к ней.

— Осталось только одно, мисс Фрида, — сказал он, — пройти крёстный путь от горничной до разносчицы — это необыкновенно, и требуется огромная сила воли, но разве это конечная цель для такого человека, как вы? Бессмысленный вопрос. Судя по вашим глазам, не смейтесь надо мной, мисс Фрида, речь идет не столько о прошлой, сколько о будущей битве. Но сопротивление в мире велико, оно растёт с растущими запросами, и нет ничего постыдного в том, чтобы заручиться помощью даже маленького, не имеющего влияния, но в равной степени активно борющегося человека. Может быть, когда-нибудь мы сможем спокойно поговорить друг с другом, и на нас не будет взирать так много глаз.

— Я не знаю, чего ты хочешь! — сказала она, и в её тоне на этот раз против её воли, казалось, звучали не победные литавры её жизни, а бесконечные разочарования, — Может быть, вы хотите оттащить меня от Кламма? Ах, боже шь ты мой!

И она хлопнула в ладоши.

— Вы видели меня насквозь! — сказал К., утомленный таким недоверием, — именно это и было моим самым сокровенным намерением. Ты должна покинуть Кламма и стать моей любовницей. И теперь я могу идти. Ольга! — воскликнул К., — Мы идём домой.»

Ольга послушно соскользнула с бочки, но не сразу оторвалась от окруживших её друзей. Тогда Фрида тихо сказала, угрожая глядя на К.:

— Когда я смогу поговорить с вами?

— Могу я остаться здесь? — спросил К.

— Да! — сказала Фрида.

— Могу я остаться здесь прямо сейчас?

— Уходите с Ольгой, чтобы я могла выпроводить отсюда людей.

— Хорошо! — сказал К., нетерпеливо ожидая Ольгу. Но крестьяне не отпускали их, они придумали танец, центром которого была Ольга, они танцевали хороводом, и всегда при общем крике один подходил к Ольге, крепко обнимал её одной рукой за бедра и несколько раз кружил вокруг неё, хоровод становился всё стремительнее, крики, голодные, одуревшие, постепенно стали почти единым целым. Ольга, которая раньше смеялась, пытаясь разорвать круг, теперь просто переходила от одного к другому с распущенными волосами.

— Мне присылают таких людей! — сказала Фрида, кусая в гневе свои тонкие губы.

— Кто это? — спросил К.

— Слуга Кламма! — сказала Фрида, — Снова и снова он приводит с собой этот народ, присутствие которого приводит меня в смятение. Я почти не помню, о чём я говорила с вами сегодня, господин инспектор; если это было что-то плохое, простите, в этом виновато присутствие этих людей, они самые презренные и отвратительные твари из всех, кого я знаю, и я должна наливать им пива в бокалы. Сколько раз я уже просила Кламма оставить её дома; если бы я уже терпела прислугу других господ, он мог бы проявить ко мне уважение, но все просьбы напрасны, за час до его прихода они всегда врываются сюда, как скот в загон. Но теперь им действительно нужно попасть в конюшню, которой они принадлежат. Если бы вас не было, я бы выломала дверь, и Кламму пришлось бы самому вышвырнуть вас вон!

— Неужели он вас не слышит? — спросил К.

— Нет! — сказала Фрида, — Он спит!

— Как! — воскликнул К. — Он спит? Когда я заглянул в комнату, он ещё не спал и сидел за столом!

— Так он всё ещё и сидит, — сказала Фрида, — даже когда вы его увидели, он уже спал. Разве иначе я позволила бы вам заглянуть внутрь? Это его стандартное положение во сне, спать сидя, я не удивлюсь, если он умеет ещё и спать стоя, господины спят очень много, этого вряд

ли можно понять. Кстати, если бы он так много не спал, как бы он мог терпеть этих людей? Но теперь мне придётся прогнать их самой!

Она взяла из угла хлыст и одним высоким, не совсем уверенным прыжком, как, скажем, прыгает не в меру возвеселившийся ягнёнок, подскочила к танцующим. Сначала они повернулись к ней, как будто пришла новая танцовщица, и действительно, на мгновение Фриде показалось, что она вот-вот уронит хлыст, но потом она снова подхватила его.

— Во имя Кламма! — крикнула она, — К конюшню! Все в конюшню!

Теперь они увидели, что это серьёзно; в страхе, непонятном для К., они начали отодвигаться на задний план, при первом ударе открылась дверь, ворвался ночной воздух, и все исчезли вместе с Фридой, которая, по-видимому, гнала их через двор, чтобы загнать в конюшню.

В наступившей внезапно тишине К. услышал шаги из коридора. Чтобы хоть как-то обезопасить себя, он прыгнул за раздаточный стол, под которым была единственная возможность спрятаться. Правда, ему не запрещалось находиться в таверне, но, поскольку он хотел остаться здесь, он должен был избежать того, чтобы его видели сейчас. Вот почему, когда дверь действительно открылась, он скользнул под стол. Конечно, быть обнаруженным там тоже было не безопасно, ведь тогда не было ничего невероятного в оправдании того, что он прятался от одичавших фермеров.

Это был хозяин.

— Фрида! — крикнул он и несколько раз прошёлся взад и вперёд по комнате. К счастью, вскоре пришла Фрида и не упомянув о К., только пожаловалась на крестьян и, желая разыскать К., ушла за стойку. Там К. мог дотронуться до её ноги и с этого момента чувствовал себя в безопасности. Поскольку Фрида не упомянула К., хозяину в конце концов пришлось это сделать.

— А где землемер? — спросил он. Возможно, он вообще был вежливым, хорошо воспитанным человеком, благодаря постоянному и относительно свободному общению с гораздо более высокопоставленными лицами, но с Фридой он разговаривал особенно почтительно, это было заметно прежде всего потому, что, несмотря на это, в разговоре он не переставал показывать себя работодателем по отношению к наёмному работнику, по отношению к законной сотрудице.

— Я совсем забыла об этом землемере! — сказала Фрида, поставив свою маленькую ножку К. на грудь, — Он, наверное, давно ушел.

— Но я его не видела! — сказала хозяйка, — Я почти всё время была в коридоре!

— Но его здесь нет! — холодно сказала Фрида. — Может быть, он прятался! — сказал хозяин, — судя по тому впечатлению, которое у меня сложилось о нем, ему можно доверять!

— Но, наверняка, он не такой смелый! — сказала Фрида, ещё сильнее прижимая ногу к К. Что-то радостное, свободное было в её характере,

К. раньше этого даже не замечал, и это было совершенно невероятно, когда она вдруг, смеясь, сказала:

— Может быть, он прячется здесь? — наклонилась к К., мимолётно поцеловала его, вскочила и огорчённо сказала:

— Нет, его здесь нет!

Но у хозяин тоже это вызвало удивление, и он сказал:

— Мне очень неприятно, что я не знаю наверняка, ушёл ли он. Дело не только в господине Кламме, дело в предписании. Но это правило применимо и к вам, мисс Фрида, так же, как и ко мне. Вы несёте ответственность за выпивку, я всё равно проведу обыск в остальной части дома. спокойной ночи! Приятного отдыха!

Он ещё не успел выйти из комнаты, а Фрида уже выключила электрический свет и сидела под стойкой у К.

— Мой любимый! Мой милый, милый! — прошептала она, но даже не прикоснувшись к К., как в обмороке от любви она лежала на спине, раскинув руки, время, наверное, было бесконечным для её счастливой любви, она больше вздыхала, чем пела какую-нибудь песенку. Затем она вздрогнула, так как К. молчал, погружённый в свои мысли, и начал дёргать его, как ребенка. — Ну же, здесь, внизу, ты задыхаешься! Они обхватили друг друга, маленькое тельце горело в руках К., они в беспамятстве, от которого К. постоянно, но тщетно пытался спастись, откатились на несколько шагов, глухо ударились о дверь Кламма и лежали потом в маленьких лужицах пива и прочей дряни, покрывавшей пол, как будто в пивной только что разыгралась война. Там проходили часы, часы совместного дыхания, совместного сердцебиения, часы, в течение которых К. постоянно чувствовал, что заблудился или что он так далеко в чужой стране, как ни один человек до него, он здесь чужой, где даже воздух не является частью родного воздуха, где приходится задыхаться от незнакомцев и в бессмысленных соблазнах которого все равно ничего нельзя сделать, кроме как идти дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше, дальше... и заблудиться. И поэтому, по крайней мере сначала, для него это был не ужас, а утешительный сумрак, когда из комнаты Кламма глубоким, повелительно-равнодушным голосом позвали Фриду.

— Фрида! — сказал К. на ухо Фриде, передавая сигнал вызова. В каком-то формально врождённом послушании Фрида хотела вскочить, но потом поняла, где находится, потянулась, тихо засмеялась и сказала:

— Я не пойду, я больше никогда не пойду к нему!

К. хотел возразить, хотел убедить её пойти к Кламму, но она стряхнула остатки своих чувств и сказала:

— Я не пойду, я никогда не пойду к нему!

К. хотел возразить, хотел убедить её пойти к Кламму, но он не мог ничего сказать, слишком счастлив он был, держа Фриду на руках, слишком напуган, и оттого тоже счастлив, потому что ему казалось, что, если Фрида покинет его, всё, что у него есть, будет у него отнято. И, словно воодушевлённая одобрением К., Фрида сжала кулак, постучала в дверь и крикнула:

— Я у землемера! Я с землемером!

Однако теперь Кламм промолчал. Но К. поднялся, опустился на колени рядом с Фридой и огляделся в тусклом предутреннем свете. Что произошло? Где остались его надежды? Чего он мог ожидать от Фриды теперь, когда всё было предано?

Вместо того чтобы осторожно продвигаться вперёд в соответствии с размерами противника и целью, он провёл здесь ночь, валяясь в пивных лужах, запах которых теперь был одуряющим.

— Что ты натворила? — сказал он про себя, — Мы оба проиграли!

— Нет, — сказала Фрида, — проиграла только я, но зато я выиграла тебя! Успокойся! Посмотри, как они все ржут над нами!

— Кто? — спросил К. и отвернулся. За стойкой сидели двое его помощников, немного заспанных, но весёлых; это была та весёлость, которую даёт верное исполнение долга.

— Что вам здесь нужно? — закричал К., как будто они были во всем виноваты. Он искал повсюду кнут, который был у Фриды по вечерам.

— Мы должны были искать тебя, — сказали помощники, — так как ты не пришёл к нам в дом; мы искали тебя у Варнавы и, наконец, нашли тебя здесь. Вот здесь мы и просидим всю ночь. Да, служба нелегка!

— Вы нужны мне днём, а не ночью, — сказал К., — продолжайте!

— Сейчас ведь день! — сказали они и не сдвинулись с места. Действительно, был день, дворовая дверь открылась, опять ввалились крестьяне с Ольгой, о которой К. совсем забыл.

Ольга была жива, как и вечером, несмотря на то, что её одежда и волосы были растрёпаны, её глаза искали К. уже в дверях.

— Почему ты не пошёл со мной домой? — сказала она почти со слезами, — Из-за этой женской комнаты! — сказала она потом и повторила это несколько раз. Фрида, которая на мгновение исчезла, вернулась с небольшим пакетом белья. Ольга грустно отошла в сторону.

— Теперь мы можем идти! — сказала Фрида; само собой разумеется, что она имела в виду трактир «У моста», в который они должны были пойти. с Фридой, за ними помощники, это был целый караван.

Крестьяне выказывали большое презрение к Фриде, это было само собой разумеющимся, потому что она до сих пор строго штудировала их; один даже взял палку и сделал вид, что не хочет отпускать её, пока она не перепрыгнет через палку; но одного её взгляда было достаточно, чтобы наглец испарился.

На улице, в снегу, К. вздохнул с облегчением. Счастье быть на свежем воздухе было так велико, что на этот раз трудности пути казались вполне терпимыми; если бы К. был один, он преодолел бы его ещё лучше.

В хозяйском доме он сразу прошёл в свою комнату и лег на кровать, Фрида устроилась рядом с ним на полу. Помощники входили, их выгоняли, но потом снова входили через окно. К. был слишком уставшим, чтобы выгонять их снова.

Хозяйка специально подошла, чтобы поприветствовать Фриду, Фрида называла ее «мамочкой»; было непонятное сердечное приветствие с поцелуями и долгим прижатием друг к другу. В маленькой комнате вообще было мало тишины, горничные часто приходили в своих мужских сапогах, чтобы что-нибудь принести или забрать. Если им что-то было нужно из кровати, заваленной разными вещами, они безжалостно вытаскивали это из-под К. Фриду они приветствовали как равную себе. Несмотря на это беспокойство, К. оставался в постели весь день и всю ночь.

Фрида протянула ему свою маленькую ладошку. Когда он, наконец, встал на следующее утро очень отдохнувшим, шёл уже четвёртый день его пребывания в деревне.

Глава IV

Он хотел было поговорить с Фридой наедине, но помощники, с которыми, кстати, Фрида то и дело шутила и смеялась, мешали ему сделать это просто своим назойливым присутствием. Впрочем, это были какие-то простофаны, они примостились в углу на полу на двух старых женских юбках и зациклились на обсуждении с Фридой её стремления чрезмерно не беспокоить господина землемера и занимать как можно меньше места; в связи с этим они, правда, всегда шепотом и хихикая, предпринимали различные попытки показать себя с наилучшей стороны, для чего скрещивали руки и ноги, жались друг к другу, и в гаснущих сумерках этот угол вместе с сидящими на корточках парнями выглядел просто как большой клубок каких-то подвальных тварей. Но, несмотря на это, к сожалению, из дневного опыта мы знали, что при всей видимой простоватости это были очень внимательные наблюдатели, всегда державшие К. В прицеле своего цепкого взгляда, они смотрели по сторонам, будь то из-за того, что в какой-то, казалось бы, детской игре уже натренировали свои руки в качестве телескопов или чего-то подобного и постоянно вытворяли подобную ерунду, а потом замирали и просто моргали, как ящерицы и, казалось, были заняты главным образом уходом за своими бородами, которые им очень нравились и которые эти гномы бесчисленное количество раз сравнивали друг с другом по длине и полноте и о которых Фрида могла судить не понаслышке.

Со своей кровати К. наблюдал за суетой этой неопишуемой троицы с полным безразличием. Когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы встать с постели, все бросились его поддерживать и обслуживать. Он ещё не был настолько силен, чтобы сопротивляться их назойливой заботе, но понимал, что тем самым попадает в определённую зависимость от них, и она, эта зависимость может иметь для него очень плохие последствия, но по своей слабости вынужден был позволить этому происходить.

Не было ничего неприятного в том, чтобы пить за столом хороший кофе, который принесла Фрида, греться у печки, которую нагрела Фрида, заставлять помощников в спешке и неловкости бегать по лестнице туда-сюда, чтобы принести воду для умывания, мыло, расчёску и зеркало, и, наконец, удовлетворить К. Когда он высказал тихое, вполне объяснимое желание выпить ещё и бокал рома. В разгар этих манёвров, командования и управления К., скорее из приятного настроения, чем в надежде на успех, сказал:

— А теперь, вы двое, уходите, мне пока больше ничего не нужно, и я хочу поговорить с фройляйн Фридой наедине!

И когда он не увидел протеста на их лицах, он сказал, чтобы компенсировать им свою невежливость:

— Как-нибудь мы втроём пойдём к старосте общины, ждите меня внизу в прихожей!

Как ни странно, они последовали его приказу, только сказав перед уходом:

— Мы могли бы подождать и здесь!

И К. ответил:

— Я знаю, но не хочу этого!

К. был в некотором смысле раздражён, хотя внешне радушен, когда Фрида, которая села к нему на колени сразу после ухода помощников, сказала:»

— Что ты имеешь, дорогой, против помощников? От них у нас не должно быть секретов. Они верны, как никто!

— О, верны... — сказал К., — Они постоянно подстерегают меня, стерегут, это бессмысленно, но отвратительно.

— Я думаю, что понимаю тебя! — сказала она и бросилась ему на шею, собираясь ещё что-то сказать, но не смогла продолжить; и потому, что и он не мог продолжать, она стала повторять:

— Я думаю, что понимаю тебя! Я думаю, что понимаю тебя! Я думаю, что понимаю тебя!
Я думаю, что понимаю тебя!

Она всё время повторяла, повиснув у него шее, и хотела сказать что-то ещё, но не могла, а потом кресло, стоявшее рядом с кроватью, качнулось, и они повалились на пол. Так они и лежали, но уже не столь преданно, как тогда, ночью. Она что-то искала, и он что-то искал, яростно скалясь, уткнувшись головой в грудь друг друга, они что-то искали, и их объятия и их вздымающиеся тела не заставили их забыть, а напомнили им о долге что-то искать и найти; они были, как собаки, отчаянно рыщущие по земле, так они рыскали и рыскали в поисках, и искали, искали, искали, исследуя тела друг друга и беспомощные, разочарованные, замирали, чтобы обрести последнее счастье, а их языки облизывали лица друг друга. Только усталость заставила их отрешиться и быть благодарными друг другу.

Затем подошли и служанки.

— Посмотри, как они здесь лежат! — сказала одна из них и из жалости накрыла их скатертью. Позже, когда К. освободился от одежды и огляделся, помощники — это его не удивило — снова копошились в своём углу, гундели, сопели, наставляли друг друга, указывая пальцем на К., науськивая один другого на серьёзность и всё время отдавая честь; но, кроме того, хозяйка сидела вплотную к кровати и вязала чулок, небольшая обязанность, которую она должна была выполнять, которая мало подходила к ее брутальному облику, почти совсем затемняющему комнату.

— Я уже заждалась вас! — сказала она, поднимая свое широкое, изборождённое множеством возрастных морщин, но все еще гладкое в своей огромной массе, возможно, когда-то красивое лицо. Эти слова прозвучали как упрёк, причём совершенно неуместный, потому что К. ведь не требовал, чтобы она приходила. Поэтому он только подтвердил её слова кивком головы и сел прямо. Фрида тоже встала, но оставила К. и прислонилась к креслу хозяйки.

— Не могли бы вы, госпожа хозяйка, — рассеянно сказал К., — отложить то, что вы хотите мне сказать, до тех пор, пока я не вернусь от старосты общины. У меня там важное совещание!

— Это важнее, поверьте мне, господин землемер, — сказала хозяйка, — там, вероятно, просто работа, а здесь речь идёт о человеке, о Фриде, моей дорогой служанке!

— О, так вот оно что! — сказал К., — Тогда, конечно, только я не знаю, почему бы не оставить нас двоих в покое.

— Только из любви, из заботы! — сказала хозяйка и притянула к себе голову Фриды, которая, стоя, доставала только до плеча сидящей хозяйки.

— Поскольку Фрида питает к вам такое доверие, — сказал К., — я тоже не могу поступить иначе. А так как Фрида совсем недавно назвала моих помощников верными людьми, то здесь мы действительно окружены сплошными друзьями. Итак, я могу сказать вам, госпожа хозяйка, что я бы счёл за лучшее, если бы мы с Фридой поженились, и притом как можно скорее. К сожалению, к сожалению, я не смогу заменить Фриде то, что она потеряла из-за меня, положение при дворе и дружбу у господина Кламма...

Фрида подняла лицо, её глаза были полны слёз, в них, разумеется, не было ничего победоносного.

— Почему я? Почему я выгляжу именно так?

— Как? — в один один голос возопили К. и хозяйка.

— Она в смятении, бедняжка, — сказала хозяйка, — в полном смятении! Столько несчастий и удач свалилось на неё одновременно! Сколько горя за какие-то...

И как бы в подтверждение этих слов Фрида бросилась К., неистово поцеловала его, как будто в комнате больше никого не было, а затем, всё еще обнимая его, упала перед ним в слезах. Склонив голову ему на колени. В то время как К. обеими руками гладил Фриду по волосам, он спросил хозяйку:

— Вы, кажется, согласны со мной?

— Вы человек чести! — сказала хозяйка, у неё тоже в голосе стояли слёзы, она выглядела немного растерянной и тяжело дышала; несмотря на это, она нашла в себе силы сказать:

— Теперь вам придётся подумать только об определённых гарантиях, которые вы должны дать Фриде, потому что, как бы я ни уважала вас сейчас, вы всё равно для нас чужой человек, ни к кому не можете здесь обратиться, ваши домашние условия здесь неизвестны...

Итак, нам нужны гарантии, вы это поймёте, дорогой господин инспектор, вы же сами подчеркнули, сколько Фрида в конце концов теряет из—за связи с вами!

— Конечно, гарантии, конечно! — сказал К., — Как же без них? Их лучше всего будет предоставить нотариусу, но и другие графские документы тоже. Возможно, власти всё-таки вмешаются. Кстати, мне тоже нужно кое-что сделать до свадьбы. Я должна поговорить с Кламмом!

— Это невозможно! — сказала Фрида, немного приподнявшись и прижавшись к К., — какая мысль!“ — „Это должно быть, — сказала К.,

— Если я не могу этого добиться, ты должен это сделать!

— Я не могу, К., я не могу! — горестно сказала Фрида, — Кламм никогда с тобой не заговорит. Как ты только можешь верить, что Кламм согласится болтать с тобой?

— А с тобой он стал бы разговаривать? — спросил К.

— И не надо! — сказала Фрида! — Ни с тобой, ни со мной он вести беседы не будет, это просто невозможно!

Она повернулась к хозяйке, широко раскинув руки:

— Вы только посмотрите, госпожа хозяйка, что он просит!

— Вы очень своеобразны, господин инспектор! — мягко сказала хозяйка, и было страшно, как она сидела теперь прямо, расставив ноги, выставив вперед мощные колени, прикрытые тонкой юбкой, — Они требуют невозможного!

— Почему это невозможно? — спросил К.

— Я объясню вам это! — сказала хозяйка таким тоном, как будто это объяснение было не последней любезностью, а первым наказанием, которое она выносит — я с удовольствием объясню вам! Хотя я не принадлежу к замку, я всего лишь женщина и всего лишь хозяйка здесь, в трактире почти последнего ранга — не последнего ранга, но недалеко от него — и поэтому, возможно, вы не придаёте большого значения моему объяснению, но в моей жизни у меня открыты глаза я жила и встречалась со многими людьми и я сама всегда несла всё бремя хозяйства, потому что мой муж хоть и хороший мальчик, но не трактирщик, и что такое ответственность, он никогда не поймёт. Вы, например, обязаны только его небрежности, что я в тот вечер уже устала ломать голову, зная, что вы здесь, в деревне, что вы сидите здесь на кровати в мире и уюте!

— Как? — спросил К., очнувшись от некоторой рассеянности, в которую постепенно впал, более взволнованный, чем обычно, и пробуждаясь скорее от любопытства, чем с досады.

— Только его небрежностью вы обязаны этому! — снова воскликнула хозяйка, указывая на К. указательным пальцем. Фрида пыталась её успокоить.

— Чего ты хочешь? — сказала хозяйка, быстро поворачиваясь всем телом, — Господин землемер спросил меня, и я должна ответить ему. Как иначе он начнёт понимать, что для нас естественно, что господин Кламм никогда не заговорит с ним, и я говорю так, как будет, и он никогда не сможет с ним заговорить! Послушайте, господин землемер! Господин Кламм — господин из замка, а это уже само по себе, совершенно, не считая другого положения Кламма, означает очень высокий ранг. Что же вы за человек, о согласии на брак с которым мы так смиренно просим здесь! Вы не из замка, вы не из деревни, Вы ничто. К сожалению, вы всё-таки мистер Нечто, господин незнакомец, надеюсь, что не мистер Ничто, которого слишком много и который повсюду всем мешает, из-за которого постоянно возникают ссоры, из-за кото-

рого приходится нанимать горничных, чьи намерения неизвестны, вот скажите, кто и зачем соблазнил нашу дорогую маленькую Фриду и, к сожалению, если вы взяли её в жены, то что-то обязаны, должны дать. Я, в принципе, не виню вас за всё это. Они такие, какие они есть; я уже видела в своей жизни слишком много такого, чего мне раньше не доводилось видеть. А теперь представьте, что вы на самом деле просите. Такой человек, как Кламм, должен поговорить с вами! С болью я слышала, что Фрида заставила их посмотреть в глазок, и как только она это сделала, они соблазнили её. Скажите, а как вы вообще выдержали взгляд Кламма? Вам не нужно отвечать, я это знаю, вы очень хорошо его перенесли. Они даже не в состоянии по-настоящему увидеть Кламма, это не преувеличение с моей стороны, потому что я сама тоже не в состоянии взглянуть ему в глаза. Пусть Кламм поговорит с ними, но ведь он даже с людьми из деревни не разговаривает, да и сам он никогда ни с кем из деревни не разговаривал. Это была великая награда для Фриды, награда, которой я буду гордиться до конца своей жизни, что он по крайней мере называл Фриду по имени и что она могла говорить с ним сколько угодно и получать разрешение глянуть в глазок, но он так и не поговорил с ней. И то, что он иногда называл Фриду, вовсе не обязательно должно иметь то значение, которое хотелось бы придавать этому, он просто называл имя «Фрида» — кто знает его намерения? Конечно, то, что Фрида приехала в спешке, было её делом, и то, что её оставили без возражений, было добротой Кламма, но утверждать, что он вызвал бы её прямо сейчас, нельзя. Правда, теперь и то, что было, ушло навсегда. Возможно, Кламм ещё назовёт имя «Фрида», это возможно, но она, конечно, больше не будет допущена к нему, девушка, которая связалась с... которая предалась вам. И только одного, только одного я не могу понять своей бедной головой, что девушка, о которой говорили, что она любовница Кламма, — кстати, я считаю это очень преувеличенным термином, — позволила им даже прикоснуться к себе.

— Конечно, это странно! — сказал К., беря Фриду, которая, хотя и опустила голову, и тут же добавил, — но это, я думаю, доказывает, что и в остальном всё обстоит не так, как вы думаете. Так, например, вы, несомненно, правы, когда говорите, что я ничтожество, прежде чем я добился своего; и если я и сейчас требую разговора с Кламмом и даже не отвлекаюсь на ваши объяснения, это еще не значит, что я в состоянии вынести даже вид Кламма без закрытой двери и что я не выбегу из комнаты сразу же, как он появится. Но такое опасение, хотя и обоснованное, ещё не является для меня причиной не решиться на это. Но если мне удастся противостоять ему, то ему вовсе не обязательно разговаривать со мной, мне достаточно того, что я вижу, какое впечатление производят на него мои слова, и если они не производят на него никакого впечатления, или он их даже не слышит, в конце концов, у меня есть выигрыш, свободно сказать обо всём, что я думаю, перед могуществом, имеющим своё мнение. Но вы, госпожа хозяйка, с вашим большим знанием жизни и человека, и Фрида, которая ещё вчера была любовницей Кламма — я не вижу причин отказываться назвать её так, — несомненно, легко можете предоставить мне возможность поговорить с Кламмом; если это невозможно каким-либо другим способом, то именно в гостинице возможно, он всё ещё там сегодня.»

— Это невозможно! — сказала хозяйка, — и я вижу, что вам не хватает способности понять это. Но всё же скажите, о чём вы хотите поговорить с Кламмом?

— О Фриде, конечно! — сказал К.

— О Фриде? — непонимающе спросила хозяйка и повернулась к Фриде.

— Слышишь, Фрида, о тебе он, он, хочет поговорить с Кламмом, с Кламмом.

— Ах, — сказал К., — вы, госпожа хозяйка, такая умная, уважительная женщина, и всё же вас пугает любая мелочь. Итак, я хочу поговорить с ним о Фриде, но это не столько возмутительно, сколько само собой разумеющееся. Это вполне естественное желание! Ибо вы, несомненно, заблуждаетесь, если думаете, что Фрида не имеет для Кламма никакого значения с того момента, как я появился. Вы недооцениваете его, если так считаете. Я прекрасно чувствую, что с моей стороны самонадеянно пытаться читать вам лекции на этот счёт, но я всё

же должен это сделать. Благодаря мне в отношениях Кламма с Фридой ничего не изменилось. Либо существенных отношений не существовало — так, собственно, говорят те, кто называет Фриду почетной любовницей, — что ж, тогда их нет и сегодня; либо же они существовали, как же тогда она могла быть ничтожеством в глазах Кламма из-за меня, как вы правильно сказали, как могла она быть ничтожеством в глазах Кламма, как же тогда она могла быть обеспокоена мной. В такие вещи можно поверить только с перепугу, но даже малейшее раздумье может разложить всё по полочкам. Кстати, давайте всё-таки позволим Фриде высказать свое мнение по этому поводу!

Глядя вдаль, прижавшись щекой к груди К., Фрида сказала:

— Матушка говорит правду: Кламм больше ничего не хочет обо мне знать. Но, конечно, не потому, что ты, дорогой, приехал, такое на него не действует. Но, я думаю, это его дело, что мы нашли друг друга там, под стойкой, благословен, а не проклят тот час!

— Если это так, — сказал К. медленно, потому что слова Фриды были сладкими, он закрыл глаза на несколько секунд, чтобы проникнуться словами, — Если это так, то еще меньше причин бояться разговора с Кламмом!

— Правда то, — сказала хозяйка, глядя на К. свысока, — что иногда вы напоминаете мне моего муженька, который такой же дерзкий и наивный, как вы. Они здесь уже несколько дней, и они вознамерились думать, что знают всё лучше, чем местные жители, лучше, чем я, старуха, и чем Фрида, которая так много видела и слышала в замке. Я не отрицаю, что когда-то можно достичь чего-то полностью противоречащего правилам и устоявшемуся; я не сталкивалась ни с чем подобным, но якобы есть примеры этого, может быть; но тогда, конечно, все происходит не так, как они думают, когда человек постоянно, как попугай, твердит «нет, нет», клянется только своей головой и игнорирует самые благонамеренные советы. Неужели вы думаете, что моя забота касается вас? Заботилась ли я о вас, пока вы были одни? Хотя это было бы хорошо, и кое-чего можно было бы избежать. Единственное, что я тогда сказала о вас своему мужу, было: «Держись от него подальше». Это было бы справедливо для меня и сегодня, если бы Фрида не оказалась втянутой в сейчас в эту мутную историю. Ей вы обязаны — нравится вам это или нет — моей заботой, даже моим вниманием, если хотите. И вы не можете просто отвергнуть меня, потому что несёте строгую ответственность за меня, единственного человека, кто с материнской заботой присматривает за маленькой Фридой. Возможно, Фрида права и всё, что произошло, — это воля Кламма; но сейчас я ничего не знаю о Кламме; я никогда не буду с ним разговаривать, он для меня совершенно недоступен, а вы сидите здесь, держите мою Фриду и... почему я должна это скрывать? — прячьтесь у меня. Да, я сдержана, потому что постарайтесь, молодой человек, если я и прикажу вам покинуть дом, искать приют где-нибудь в деревне, пусть даже в собачьей будке!

— Спасибо — сказал К., — за откровенность, и я им полностью доверяю. Поэтому так неопределённо моё положение и, соответственно, положение Фриды!

— Нет! — сердито крикнула хозяйка между ними, — Положение Фриды в этом отношении не имеет ничего общего с вашим положением! Фрида принадлежит моему дому, и никто не имеет права делать её положение здесь небезопасным!

— Хорошо, хорошо, — сказал К., — я согласен с вами и в этом, тем более что Фрида, по неизвестным мне причинам, кажется, слишком боится вас, чтобы вмешиваться в это дело. Так что пока давайте просто останемся при своих. Поговорим обо мне! Моё положение крайне неопределённо, я этого не отрицаю, а, вы, скорее, стремитесь доказать мне это. Как и всё, что вы говорите, это верно только по большей части, но не совсем. Так, например, я знаю о довольно хорошем ночлеге, которым могу воспользоваться!»

— Какой же? Куда же все-таки ты отправишься? Куда же? — воскликнули Фрида и хозяйка так одновременно и так страстно, как будто у них были одинаковые сомнения и повод для вопроса.

— К Варнаве! — сказал К., — У Варнавы!

— У этих нищелюбцев? — крикнула хозяйка, — У этих отперых нищелюбцев? У Варнавы! Вы только послушайте его, — и она повернула голову и посмотрела в угол, откуда помощники уже давно вылезли и стояли рука об руку позади хозяйки, которая теперь, словно нуждаясь в опоре, схватила одного за руку, — Вы только послушайте, где бродит и обретается Господь, оказывается, в семье Варнавы! Конечно, там он получит ночлег, но, увы, он предпочёл бы, чтобы это было там, а не в гостинице. Но где же вы были раньше?

— Госпожа хозяйка, — сказал К., прежде чем помощники успели ответить, — это мои помощники, но вы обращаетесь с ними так, как если бы это ваши слуги, а не мои помощники. Во всём остальном я готов, по крайней мере, вежливо обсуждать ваши мнения, но не в отношении моих помощников, потому что здесь всё слишком ясно! Поэтому я прошу вас не разговаривать с моими помощниками, и если моя просьба не будет удовлетворена, я запрещаю своим помощникам отвечать вам!.

— Значит, мне нельзя с вами разговаривать! — сказала хозяйка, и все трое рассмеялись, хозяйка говорила с лёгкой издёвкой, но гораздо мягче, чем ожидал К., а помощники, по своему обыкновению, приняли вид ничего не понимающих и нич за что не отвечающих простофиль.

— Только не сердись! — сказала Фрида, — Ты должна правильно понять наше волнение. Если хочешь, только Варнаве мы обязаны тем, что теперь принадлежим друг другу. Когда я впервые увидела тебя в ресторане — ты вошёл, вцепившись в Ольгу, — я уже кое-что знала о тебе, но в целом ты был мне совершенно безразличен. Ну, не только ты был мне безразличен, почти все, почти все были мне безразличны. Я, конечно, и тогда была недовольна всем на свете, и кое-что меня раздражало, но что это было за недовольство и какая досада! Например, меня оскорбил один из гостей в ресторане, они ведь всегда приходили за мной — ты видел там парней, но были и другие неприятности, служба у Кламма была не самой неприятной обузой, — так что один оскорбил меня, что это для меня значило? Мне казалось, что это случилось много лет назад, или как будто это случилось не со мной, или как будто я только слышала, как это рассказывают, или мне это приснилось, или как будто я сама уже забыла об этом. Но я не могу описать это, я даже не могу представить это снова, так всё изменилось с тех пор, как Кламм покинул меня!

И Фрида прервала свой рассказ, печально опустив голову и сложив руки на коленях.

— Смотрите, — крикнула хозяйка, и сделала вид, что сама не говорит, но только отдаёт свой голос Фриде. Она подошла ближе и теперь сидела рядом с Фридой.

— Итак, господин инспектор, посмотрите на последствия ваших действий, и пусть ваши помощники, с которыми я не имею права разговаривать, тоже наблюдают за вашим обучением! Они вывели Фриду из самого блаженного покоя, какой когда-либо был у неё, и им это удалось главным образом потому, что Фрида в своей детской чрезмерной жалости не могла вынести того, что они висели на руке Ольги и, казалось, находились во власти семьи Варнавы. Она спасла их, пожертвовав собой в процессе... И теперь, когда это произошло, и Фрида променяла всё, что у неё было, на счастье сидеть у него на коленях, они пришли и разыграли в качестве своего главного козыря то, что однажды им представилась возможность остаться у Варнавы! Вероятно, этим они хотят доказать, что они независимы от меня и всех! Что вы знаете о том месте, где вы оказались и тех, кто теперь смотрит на вас? Воистину, если бы они действительно остановились у Варнавы, они были бы настолько независимы от меня, что им пришлось бы немедленно, но очень быстро, покинуть мой дом!

— Я не курсе грехов семьи Варнавы! — сказал К., осторожно поднимая безжизненную Фриду, медленно усаживая её на кровать и вставая сам, — возможно, вы и правы в этом, но, конечно, я был прав, когда просил вас рассказать о наших делах, о Фриде и о том, как она... я имею в виду оставить нас двоих наедине. Тогда вы упомянули что-то о любви и заботе, но я не обратил на это особого внимания в дальнейшем, а тем более о ненависти, насмешках и изгна-

нии из дома. Если они и пытались отговорить Фриду иметь дело со мной или мне с Фридой, то это было сделано довольно ловко; но, я думаю, им это не удастся, а если и удастся, то — разрешите и мне высказать мрачную угрозу — они горько пожалеют об этом. Что касается квартиры, которую вы мне предоставляете — вы можете иметь в виду только эту отвратительную дыру, — то совершенно не очевидно, что вы делаете это по собственной воле, скорее, на это, по-видимому, есть указание властей графства. Я сейчас сообщу там, что меня здесь уволили, и если мне выделят другую квартиру, они, наверное, вздохнут с облегчением, а я ещё глубже. А теперь я иду в правление общины по этому и другим вопросам; пожалуйста, возьмите хотя бы Фриду, которой вы причинили достаточно зла своими, так сказать, материнскими заботами!

Затем он обратился к помощникам.

— Идите! — сказал он, снял с крючка липкое письмо и собрался уходить. Хозяйка молча наблюдала за ним, и только когда он уже взялся за ручку двери, она сказала:

— Господин инспектор, я дам вам в дорогу еще кое-что, потому что, какие бы речи вы ни вели и как бы вы ни хотели оскорбить меня, старую женщину, вы всё же будущий муж Фриды! Да и просто по-человечески... Только поэтому я говорю вам это, что вы ужасно невежественны в отношении здешних условий, у вас кружится голова, когда вы их слушаете, и когда вы мысленно сравниваете то, что они говорят и имеют в виду, с реальным положением дел... Сладить с этим невежеством невозможно за один раз, а может быть, и вовсе невозможно; но многое может поправиться, если вы хоть немного доверитесь мне и всегда будете помнить о своём невежестве. Например, они сразу станут более справедливыми по отношению ко мне и начнут подозревать, какой ужас я пережила — и последствия этого ужаса всё ещё со мной — когда я поняла, что моя дорогая малышка каким-то образом покинула Орлиное Гнездо, чтобы присоединиться к блиндажу, но на самом деле всё обстоит именно так, да, всё гораздо хуже, чем вы полагаете, я должна постоянно стараться забыть об этом, иначе я не смогла бы спокойно говорить с вами. Увы, теперь они снова злые. Нет, пока не уходите, только прислушайтесь к этой просьбе: куда бы вы ни пришли, помните, что вы здесь самый невежественный лох, и будьте осторожны; здесь, у нас, где присутствие Фриды защищает вас от вреда, пусть тогда вы раскроете своё сердце, здесь вы можете почувствовать себя в безопасности, да, здесь вы можете быть в безопасности. Затем вы покажете нам пример, как вы собираетесь разговаривать с Кламмом; только наяву, только наяву, пожалуйста, пожалуйста, не делайте этого!

Она встала, немного пошатываясь от волнения, подошла к К., схватила его за руку и умоляюще посмотрела на него.

— Госпожа хозяйка, — сказал К., — я не понимаю, почему вы унижаетесь до того, чтобы просить меня о таком. Если, как вы говорите, мне невозможно поговорить с Кламмом, то я точно не добьюсь этого, просите вы меня или нет. Но если это всё же возможно, то почему бы мне этого не сделать, тем более что с устранением вашего главного возражения ваши дальнейшие опасения также становятся весьма сомнительными. Конечно, я невежественен, истина всё равно остаётся неизменной, и это очень печально для меня; но есть и преимущество в том, что невежда осмеливается на большее, и поэтому я с радостью потерплю невежество и его, несомненно, ужасные последствия ещё некоторое время, пока хватит сил. Но эти последствия, в сущности, касаются только меня, и поэтому, прежде всего, я не понимаю, почему вы спрашиваете меня о чём-либо?. Они всегда будут заботиться о Фриде, и если я полностью исчезну из поля зрения Фриды, это может означать для неё только одно — счастье. Так чего же вы боитесь? Вы же не боитесь чего-то — невеждам всё кажется возможным, — тут К. уже открыл дверь, — вы же не боитесь за Кламма? Хозяйка молча смотрела ему вслед, пока он быстро слетел по лестнице, а помощники следом за ним.

Глава V

Встреча со старостой, как ни странно, почти не беспокоила К.. Он пытался объяснить это тем, что, судя по его предыдущему опыту, официальные контакты с графскими властями были для него очень лёгкими. С одной стороны, это было связано с тем, что, по-видимому, раз и навсегда был выработан определённый, внешне очень благоприятная для него инструкция, а с другой — из-за замечательного единства всех служб замка, которое считалось особенно совершенным там, где его, казалось бы, не могло быть. К. множество раз думал только об этом, не находя свое положение удовлетворительным, хотя после таких приступов беспокойства он всегда быстро говорил себе, что именно в этом и заключается опасность.

Прямое общение с властями было не слишком хлопотным, потому что власти, как бы хорошо они ни были организованы, всегда должны были защищать что-то отдалённое, определённое, невидимое только от имени отдалённых, невидимых властимущих, в то время как К. боролся за что-то очень близкое, конкретное для себя, более того, по крайней мере, в первое время, когда агрессивно действовал не только он сам, но, по-видимому, и другие силы, которых он не знал, но в которые он мог поверить после как увидел результат действий властей.

Но благодаря тому, что власти с самого начала в мелочах шли навстречу К. — о большем пока речь не шла — они пошли навстречу ему, лишив возможности небольших и лёгких побед, а вместе с этой возможностью и соответствующего удовлетворения этими победами, а также вытекающей из этого хорошо обоснованной уверенности в дальнейших более крупных битвах.

Вместо этого они позволили К., но только в деревне, просклизнуть и побывать везде, где он хотел, избаловали и ослабили его, вообще по видимости прекратили здесь всякую борьбу и вместо этого перевели его во внеслужебную, совершенно беспорядочную, унылую, чуждую жизнь. Таким образом, если он не всегда был начеку, вполне могло случиться, что однажды, несмотря на всю любезность властей и несмотря на полное выполнение всех столь незначительных должностных обязанностей, обманутый оказанной ему кажущейся благосклонностью, он вёл свою обычную жизнь и поступал так неосторожно, что потерял всякую бдительность.

Власть, по-прежнему кроткая и добрая, как бы против своей воли, но во имя какого-то неизвестного ему общественного порядка должна была прийти, чтобы незаметно убрать его с дороги.

И что это было на самом деле здесь, в той, другой, неведомой ему жизни? Нигде еще К. не видел, чтобы должность и жизнь были так переплетены, как здесь, так переплетены, что иногда могло показаться, что должность и жизнь поменялись местами. Что значила, например, до сих пор лишь формальная власть, которую Кламм имел над службой К., по сравнению с той властью, которую Кламм имел на самом деле в спальном комнате К..

Так получилось, что здесь имела место несколько более легкомысленная жизнь, некоторая расслабленность, только в отношении властей, только по их скрытому соизволению, в то время как в остальном всегда требовалась большая осторожность, осмотрительность на каждом шагу.

Своё мнение о здешних властях К. подтвердил во время беседы со старостой и лишней раз утвердился в своих выводах.

Настоятель, добрый, толстый, гладко выбритый мужчина, был болен, у него был сильный приступ подагры, и он принял К. в постели.

— Итак, вы и есть наш господин геодезист? — сказал он, хотел встать, чтобы поздороваться, но не смог и, извиняющимся жестом указав на свои ноги, снова откинулся на подушки. Тихая женщина, почти незаметная в сумеречном свете маленького окна комнатёнки, помимо всего затемненной шторами, принесла К. кресло и придвинула его к кровати.

— Садитесь, прошу вас, садитесь, господин землемер, — сказал настоятель, — и, ради бога, наконец выскажите мне свои пожелания!

К. прочитал письмо Кламма и сделал к нему несколько замечаний. Он снова почувствовал необычайную лёгкость общения с властями. Они буквально несли любое бремя, на них можно было возложить всё, что угодно, а сами они оставались отдалёнными и свободными. Как будто настоятель тоже чувствовал это по-своему, и лишь неловко ворочался в постели.

Наконец он сказал:

— У меня есть, господин геодезист, как вы уже поняли, что сказать, я в курсе всего этого. То, что я сам ещё ничего не предпринял, объясняется, во-первых, моей болезнью, а затем тем, что вы так долго не приходили, я уже думал, что вы отошли от дел. Но теперь, когда вы так добры, что сами пришли ко мне, я должен, по правде говоря, сказать вам полную, неприятную правду. Вы приняты на должность геодезиста, как вы говорите; но, к сожалению, нам не нужен геодезист! Для него здесь не было и нет ни малейшего поля деятельности. Границы наших небольших хозяйств обозначены сами собой, всё аккуратно фиксируется само собой. Смена собственника происходит редко, и мелкие пограничные споры мы решаем сами. Так что же у нас должен делать геодезист? Или землемер, как вы изящно изволили выразиться?

К., хотя он и не думал об этом раньше, в глубине души согласился, что ожидал подобного сообщения. Именно поэтому он сразу сказал:

— Это меня очень удивляет. Это сбивает с толку все мои расчёты. Я могу только надеяться, что здесь произошло какое-то прискорбное недоразумение.

— К сожалению, нет, — сказал настоятель, — всё так, как я говорю!

— Но как это возможно! — воскликнул К. — Я ведь не для того проделал это бесконечное путешествие, чтобы меня снова отправили обратно!

— Это еще один вопрос, — сказал староста, — который я не могу решить, но я могу объяснить вам, как это недоразумение стало возможным. В такой большой власти, как графская, может случиться так, что одно ведомство распорядится неким делом, а другое — другим, и ни одно из этих ведомств не знает о делах другого, но суть в том, что высший контроль хотя и чрезвычайно точен, но по своей природе приходит слишком поздно, и в конце концов может возникнуть небольшая путаница. Правда, всегда это лишь самые незначительные, ничтожные мелочи, как, например, ваш случай. Я ещё не сталкивался ни с одной ошибкой в больших вещах, но мелочи часто бывают достаточно шероховатыми и неловкими. Что касается вашего дела, то я хочу, не выдавая служебных секретов — для этого я недостаточно чиновник, я фермер и всё такое прочее, — откровенно рассказать вам о его ходе. Давным-давно, когда я был назначен старостой и вёл дела всего несколько месяцев, пришёл указ, я уже не помню, из какого департамента, в котором в категорической манере, свойственной здешним лордам, говорилось, что должен быть назначен геодезист, и общине было поручено подготовить все планы и записи, необходимые для его работы... Конечно, этот указ не мог повлиять на вас, потому что это было много лет назад, и я бы не вспомнил об этом, если бы не был сейчас болен и у меня было достаточно времени, чтобы подумать в постели о самых нелепых вещах! — «Мицци», — сказал он, внезапно прервав свой рассказ, женщине, которая, как он сказал, была его женой, и которая теперь без остановки металась по комнате, совершая странные, резкие телодвижения, — Пожалуйста, посмотри там в шкафу, может быть, ты найдешь указ! — Это, — сказал он К., объясняя, — делопроизводство моей молодости, ещё тогда я все это отменил!

Женщина тут же открыла шкаф, К. и настоятель смотрели на её манипуляции. Шкаф был весь завален сваленными в кучи бумагами. Открыв его, женщина увидела две большие связки бланков, перезанные по кругу бечевой, как обычно связывают дрова во дворах, и в ужасе отскочила в сторону.

— Внизу, наверное, смотри внизу! — прохрипел староста, приподнимаясь с кровати. Женщина послушно, обеими руками в одно мгновение выбросила всё из шкафа, чтобы добраться до нижних бумаг. Разлетевшиеся бумаги уже покрывали половину комнаты.

— Прodelана огромная работа, — сказал настоятель, кивая, — и это лишь малая часть её. Основную массу документов я хранил в сарае, но большая часть всё же пропала. Кто способен хранить всё это вместе! Но в сарае ещё много чего есть!

— Вы сможете найти указ?

Староста как будто не расслышал, он снова повернулся к своей жене

— Тебе нужно найти документ, на котором слово «геодезист» подчеркнуто «синим».

— Здесь слишком темно, — сказала женщина, — Я пойду за свечой! — и она вышла из комнаты, перебирая бумаги по пути.

— Моя жена является для меня большой опорой, — сказал настоятель, — в этой тяжёлой служебной куге, которую приходится выполнять только на стороне. Правда, для письменных работ у меня есть еще помощник, учитель, но всё равно это невозможно закончить, всегда остается много незавершённого, что собрано вон в том ящике, — и он указал на другой шкаф, — И вообще, когда я сейчас болею, это берёт верх, многие дела удаётся закончить! — сказал он и откинулся на спинку кресла, усталый, но в то же время гордый.

— Не мог бы я, — сказал К., когда женщина вернулась со свечой и, стоя на коленях перед ящиком, искала указ, — помочь вашей жене найти его?

Настоятель с улыбкой покачал головой:

— Как я уже сказал, у меня нет и не может быть служебных секретов от вас; но я не могу позволить, чтобы вы сами рылись в архивах, я не могу зайти так далеко! Это будет уж слишком!

Теперь в комнате стало тихо, слышался только шелест бумаг, настоятель, может быть, даже немного задремал. Тихий стук в дверь заставил К. обернуться. Конечно, это были помощники. В конце концов, они были уже немного воспитаны, и не сразу ворвались в комнату, а сначала прошептали через приоткрытую дверь: «Нам слишком холодно на улице!»

— Кто это? — испуганно спросил настоятель.

— Это всего лишь мои помощники, — сказал К., — я не знаю, где мне их оставить, на улице слишком холодно, а здесь они надоедливые!

— Меня они не беспокоят! — любезно сказал староста, — Пусть войдут. Кстати, я ведь их, кажется, знаю. Старые знакомые!

— Но меня они раздражают! — сказал К. Открыто и перевёл взгляд с помощников на настоятеля, потом снова посмотрел на помощников и обнаружил, что все трое улыбаются совершенно одинаково. — Но если вы уж здесь, — сказал он, — оставайтесь и помогите госпоже Настоятелю найти там акт, в котором слово «геодезист» выделено синим цветом».

Настоятель не стал возражать. К. он не разрешил, помощникам разрешил, они тоже сразу бросились к бумагам, но больше для вида, как крысы в ведре, копались в куче, чем искали, и, пока один читал письмо, другой всегда вырывал его у него из рук. Женщина, напротив, стояла на коленях перед пустым ящиком, она, казалось, даже не смотрела на него, во всяком случае, свеча стояла очень далеко от неё.

— Помощники... — сказал настоятель с самодовольной улыбкой, как будто всё происходило по его воле, но никто не мог даже предположить этого, — Помощники... Они доставляют вам неудобства, но ведь это ваши собственные помощники, не так ли?

— Нет! — холодно сказал К., — они... приبلудные собаки!

— Как же так получилось, что, как вы говорите, они приبلудились к вам? Что вы имеете виду? К вам их назначили? Они прикреплены к вам?

— Ну что же, вы близки к истине, их назначили! Прикреплены! — сказал К., — Впрочем, они могли бы с таким же успехом сойти ко мне с небес, так что их появление у меня под боком было сделано крайне необдуманно!

— Ой ли! Ничего необдуманного здесь не происходит! — сказал староста, даже забыв о боли в ноге, и сел прямо.

— Ничего! — сказал К., — А как обстоят дела с моим призванием?

— Вероятно, ваше призвание тоже рассматривалось обдуманно, — сказал староста, — просто вмешались непредвиденные обстоятельства, и я сейчас же докажу вам это по документам!

— Документы, конечно, не будут найдены! — иронично сказал К.

— Не найдены? — воскликнул настоятель, — Мицци, пожалуйста, ускорь поиски! Однако я могу начать с того, что расскажу вам эту историю даже без бумаг. На указ, о котором я уже говорил, мы с благодарностью ответили, что геодезист нам не нужен. Однако этот ответ, похоже, был возвращён не в первоначальный отдел, я буду называть его отделом А, а по ошибке в другой отдел В. Таким образом, отдел А остался без ответа, но, к сожалению, Б также получил не весь наш ответ; будь то, что материалы дела остались у нас, будь то, что они были утеряны по дороге — и в самом отделе, их конечно, нет, я ручаюсь за это, — во всяком случае, в отдел Б поступил только один конверт с документами, на котором не было ничего, кроме того, что, к сожалению, в нём не было ничего, кроме обложки, что указывало бы на то, что лежащая в нём бумага, к сожалению, была но на самом деле актом о вызове геодезиста, который отсутствовал. Тем временем Отдел А ждал нашего ответа, у него действительно накопились замечания по этому вопросу, но, поскольку, по понятным причинам, это происходит очень часто и должно происходить с точностью всех процедур, референт рассчитывал, что мы ответим и что он либо вызовет инспектора, либо, при необходимости, продолжит с нами достойную переписку по этому вопросу. В результате он пренебрёг всеми замечаниями и предостережениями, и все это было благополучно им забыто. Но в отделе Б дело дошло до докладчика, известного своей добросовестностью, итальянца по имени Сордини; даже мне, посвященному, непонятно, почему человек с его способностями остаётся там десятилетиями в почти подчинённом положении. Этот Сордини, конечно же, отправил нам обратно пустой конверт с документами в качестве дополнения. Но с тех пор, как отдел А впервые написал это письмо, прошло уже много месяцев, если не лет; понятно, потому что, если, как гласит правило, какое-либо дело идет правильным путем, оно поступает в его отдел не позднее, чем через день, и выполняется в тот же день; но если он однажды сбивается с пути и выбывает из графика — и он должен, при превосходстве организации, формально пойти по ложному пути с усердием искать, иначе он его не найдёт, — тогда, конечно, это займёт очень невесть сколько много времени. Поэтому, когда мы получили оценку Сордини, мы могли вспомнить этот вопрос только очень смутно, нас тогда было только двое для проворачивая этой работы, Мицци и я, учитель тогда ещё не был назначен, копии мы хранили только по самым важным вопросам, короче, мы могли ответить только очень неопределённо, в общем ключе, что мы ничего не знаем о таком призвании и что в геодезисте у нас нет нужды!.. Но, — прервал себя староста, как будто зашёл слишком далеко в своем рвении рассказать или, по крайней мере, возможно, что он понял, что действительно зашёл слишком далеко, — разве вам не надоедает эта история?

— Нет! — сказал К., — Она развлекает меня!

На что настоятель холодно сказал:

— Я рассказываю вам это не для забавы!

— Меня развлекает только то, — сказал К., — что я получаю представление о нелепом клубке обстоятельств, который теперь определяет существование человека!

— Вы еще не получили никакого представления, — серьезно сказал настоятель, — и я могу рассказать вам много больше. Разумеется, наш ответ не удовлетворил Сордини. Я восхищаюсь этим человеком, хотя для меня он — сущее мучение. Он не доверяет никому, даже если, например, не доверяет никому из бесчисленного множества служащих! Когда он встречается

человека, которому больше всего доверяет, он начинает ему не доверять при следующей же возможности, как если бы он его совсем не знал, или, что более правильно, как если бы он знал его как тряпку. Я считаю, что это правильно, чиновник должен поступать так; к сожалению, я по своей природе не могу следовать этому принципу, вы же видите, как я всё открыто излагаю вам, постороннему человеку, я просто не могу иначе. Сордини, напротив, сразу же отнёсся к нашему ответу с недоверием. Теперь развернулась большая переписка. Сордини спросил, почему мне вдруг пришло в голову, что геодезиста не следует назначать; я ответил, пользуясь отличной памятью Миззи, что первое предложение было сделано по должности (о том, что это был другой отдел, мы, конечно, давно забыли); Сордини, напротив, сказал: почему я решил не назначать геодезиста? Я, в свою очередь, говорю: потому что я вспомнил об этом геодезисте, то есть о вас, только сейчас; Сордини отреагировал: это очень странно; я ответил: это совсем не странно в связи с таким затянувшимся делом; Сордини: Это было бы странно, потому что приписка, которую я вспомнил, не существует; я: конечно, ее не существует, потому что весь акт утерян; Сордини: но ведь должна была быть записка относительно той первой приписки, но её не существует. Тут я запнулся, ибо я не смел ни утверждать, ни доказывать, что в самом отделе Сордини произошла ошибка. Возможно, вы, господин инспектор, мысленно упрекаете Сордини в том, что рассмотрение моего заявления должно было побудить его, по крайней мере, обратиться с этим вопросом в другие департаменты. Но как раз это было бы неправильно, я не хочу, чтобы этот человек оставался тёмным пятном даже в ваших мыслях. Принцип работы органа заключается в том, что вероятность ошибки вообще не принимается во внимание. Этот принцип оправдан прекрасной организацией всего, и он необходим, если мы хотим добиться максимальной скорости выполнения поручений. Так что Сордини вообще не разрешалось обращаться в другие отделы, кстати, эти отделы даже не ответили бы ему, потому что сразу поняли бы, что речь идет об исследовании возможности «ошибки», что есть абсолютное табу...

— Позвольте, господин настоятель, я прерву вас вопросом, — сказал К. — разве вы не упоминали ранее о контрольном органе? Хозяйство тут, как мне представляется, ведётся на таком уровне, что при мысли о том, что контроль над всем этим отсутствует, становится страшно!

— Вы слишком строги! — сказал староста. — Но умножьте свою строгость в тысячу раз, и она всё равно будет ничем по сравнению со строгостью, которую власть применяет к самой себе. Только совершенно незнакомый человек может задавать вопросы, подобные вашему.. Существуют ли контролирующие органы? Есть одни только контролирующие органы. Правда, им не суждено обнаруживать ошибки в грубом смысле этого слова, потому что ошибок не бывает в принципе, и даже если однажды произойдёт ошибка, как в вашем случае, кто может окончательно сказать, что это ошибка.

— Это что-то новенькое! — воскликнул К.

— Для меня всё это что-то очень старенькое! — сказал староста. Я не сильно отличаюсь от вас в убеждении, что произошла ошибка, и Сордини тяжело заболел в результате отчаяния по этому поводу, и первые контрольные органы, которым мы обязаны обнаружением источника ошибки, также втайне признают ошибку. Но кто может утверждать, что вторые контрольные органы выносят такие же суждения, третьи — и продолжают выносить другие?

— Может быть, — сказал К. — я бы предпочёл не вдаваться в подобные рассуждения, я тоже впервые слышу об этих контрольных органах и, конечно, пока не могу их понять. Только я считаю, что здесь следует различать две вещи: во-первых, то, что происходит внутри офисов и что затем может быть так или иначе воспринято официально, и, во-вторых, моя реальная личность и жизнь, я, который нахожусь вне офисов и которому угрожает нарушение со стороны офисов, которое было бы настолько бессмысленным, что я не мог бы этого сделать, и, во-вторых, то, что происходит внутри офисов, и то, что может быть воспринято так или иначе

официально, и, во-вторых, моя реальная личность, я, который нахожусь за пределами офисов и которому угрожает нарушение со стороны офисов, было бы настолько бессмысленным, что я все еще не могу поверить в серьезность опасности. Вероятно, к первому относится то, что вы, господин настоятель, рассказываете с таким поразительным, необычайным знанием дела, но я хотел бы услышать и о себе!

— Я тоже подхожу к этому! — сказал староста, — но вы не могли бы это давно понять, если бы я не выдвинул ещё кое-что. Уже то, что я упомянул сейчас контрольные органы, было преждевременным. Итак, я возвращаюсь к разногласиям с Сордини. Как уже упоминалось, моя защита постепенно ослабевала. Но если у Сордини есть хоть малейшее преимущество перед кем-либо, он уже победил, потому что теперь его внимание, энергия, присутствие духа ещё более возросли; и для атакованного он ужасен, а для врагов атакованного — он — великолепное зрелище. Только потому, что в других случаях я тоже сталкивался с этим последним, я могу рассказать о нём так, как я это делаю. Кстати, мне ни разу не удавалось увидеть его лично, он не может спуститься, он слишком загружен работой, его комната была описана мне так, что все стены с колоннами закрыты большими стопками папок, сложенных одна на другую, это как раз те документы, которые Сордини в настоящее время разрабатывает, умножая и без того огромный архив, и так как пачки документов постоянно вынимаются и вставляются, и всё это происходит в большой спешке, эти колонны постоянно рушатся, и именно этот непрерывный, последовательный грохот стал характерным для кабинета Сордини. Что ж, Сордини — рабочий законности и порядка, и к самому маленькому делу он относится с таким же вниманием, как и к самому важному!

— Вы, господин староста, — сказал К., — всегда называли моё дело одним из самых мелких, и всё же оно очень занимало многих чиновников, и если поначалу оно было очень мелким, то благодаря усердию чиновников, подобных господину Сордини, оно превратилось в большое дело некоего «К.», сожалению, и очень против моей воли, потому что моё стремление заключается не в том, чтобы создавать и разваливать большие, касающиеся меня колонны документов, а в том, чтобы спокойно работать маленьким геодезистом за маленьким чертёжным столом!

— Нет, — сказал староста, — это не большое дело. В связи с этим у вас нет оснований для судебного иска, это одно из самых мелких дел среди мельчайших. Объём работы не определяет ранг дела, как я понимаю, вы всё ещё далеки от понимания власти, если так считаете. Но даже если бы дело дошло до объёма работы важнейших дел, ваш случай был бы одним из самых незначительных, а обычные случаи, то есть случаи без так называемых ошибок, дают гораздо больше и, конечно, гораздо более плодотворный результат. Кстати, вы ведь до сих пор ничего не знаете о той реальной работе, которую вызвало ваше дело, о которой я сейчас и хочу рассказать.

Сначала Сордини вывел меня из игры, но пришли его чиновники, и в усадьбе ежедневно проводились протокольные допросы уважаемых прихожан. Большинство держалось вместе со мной, только некоторые запинаясь; вопрос об обследовании земли и обмерах близок крестьянам, они были свидетелями тайных афёр и несправедливостей, более того, нашли проводника, и Сордини пришлось извлечь из их показаний уверенность в том, что, если бы я поднял этот вопрос в муниципальном совете, не все были бы против назначения землемера. Таким образом, само собой разумеющееся предположение — а именно, что геодезист не нужен — было сделано, по крайней мере, по сомнительным основаниям.

Особенно отличился в этом некий Брунsvик — вы, вероятно, его не знаете, — он, может быть, и не плох, но глуп и фантастичен, он шурин Ласемана.

— Кожевника? — спросил К., вспомнив бородача, которого он видел у Ласеманна.

— Да, это он самый! — сказал настоятель.

— Я также знаю его жену! — сказал К., немного взволнованный.

— Это вполне возможно! — сказал староста и замолчал.

— Она красивая! — сказал К., — Но немного бледная и болезненная. Она, наверное, из замка?

Это было сказано наполовину вопросительно. Староста посмотрел на часы, налил лекарство на ложку и поспешно проглотил.»

— Вы, наверное, знаете в замке только служебные помещения? — грубо спросил К.

— Да! — сказал настоятель с ироничной, но благодарной улыбкой. Они же и самые важные. А что касается Брунсвика, то, если бы мы могли исключить его из общества, мы почти все были бы счастливы, и сам Ласеманн ещё в большей степени. Но в то время Брансуик приобрел кое-какое влияние, хотя он и не оратор, но крикун, каких мало и этого некоторым достаточно. Так получилось, что я был вынужден передать это дело муниципальному совету, что, кстати, поначалу было единственным успехом Брунсвика, потому что, конечно, муниципальный совет подавляющим большинством голосов ничего не хотел знать об этом геодезисте.

Прошли годы, но все это время дело не утихало отчасти благодаря добросовестности Сордини, который пытался исследовать мотивы как большинства, так и доводы оппозиции с помощью самых тщательных опросов, отчасти из-за глупости и амбиций Брансуика, который считал, что большинство — это не то, что нужно, а то, что нужно — мнение власти, у него были различные личные связи с властями, которые он приводил в движение с помощью всё новых и новых измышлений своего воображения. Однако Сордини не был обманут Брунsvиком, ну, правда, как мог Брунsvик обмануть Сордини? — Но чтобы не быть обманутым, потребовались новые исследования, и ещё до того, как они были закончены, Брунsvик снова придумал что-то новенькое, он очень подвижен, да, его глупость чудовищно активна.

А теперь я хотел бы остановиться на одной особенности нашего государственного аппарата...

В соответствии со своей пунктуальностью, он также чрезвычайно чувствителен. Когда вопрос рассматривается очень долго, может случиться так, что в непредсказуемом и, как правило, очень правильном, месте, которое впоследствии невозможно будет обнаружить, внезапно, как молния, возникает решение, которое, хотя в большинстве случаев и очень правильное, в конце концов всё же произвольно завершает дело... Как будто аппарат власти не выдерживает напряжения, многолетнего напряжения, вызванного одним и тем же, возможно, незначительным по сути вопросом, и принимает решение самостоятельно, без помощи чиновников.

Конечно, в данном случае, чуда не произошло, и, несомненно, какой-то чиновник написал заявление или принял неписаное решение, но в любом случае, по крайней мере, мы, отсюда, даже из офиса, не можем установить, какой чиновник принял решение по этому делу и на каких основаниях. Только органы контроля обнаружат это гораздо позже; но мы больше не узнаем об этом, и, кстати, тогда это вряд ли кого-то ещё кого-либо взволнует. Теперь, как я уже сказал, именно эти решения чаще всего являются прекрасными, их беспокоит только то, что, как обычно бывает, люди узнают об этих решениях слишком поздно и поэтому всё ещё страстно продолжают обсуждать давно решённые вопросы. Я не знаю, было ли принято такое решение в вашем случае — некоторые говорят за, некоторые против, но если бы это произошло, то им было бы послано обращение, и они совершили бы большое путешествие сюда, на это ушло бы много времени, а между тем Сордини всё ещё работал бы здесь до изнеможения над одним и тем же делом, интриговал Брансуика, и я был бы измучен обоими.

Я только намекаю на эту возможность, но точно знаю следующее: контрольное управление тем временем обнаружило, что из отдела А в муниципалитет много лет назад поступил запрос о землемере, но ответа до сих пор не дано. Меня снова спросили об этом, и теперь, конечно, всё прояснилось, отдел А удовлетворился моим ответом, что геодезист не нужен, и Сордини был вынужден признать, что он не отвечал за это дело и, конечно, безвинно, проделал так много бесполезной, изнурительной работы. Если бы, как всегда, новая работа не

давила со всех сторон, и если бы не ваш случай, который был очень маленьким — можно сказать, самым маленьким среди мельчайших, — мы бы, наверное, все вздохнули с облегчением, я думаю, даже сам Сордини. Только Брунsvик ворчал, но это было просто смешно. А теперь представьте себе, господин инспектор, мое разочарование, когда теперь, после счастливого завершения всего этого дела, и с тех пор снова прошло много времени, вдруг возникают какие-то проблемы, и кажется, что всё должно начаться сначала. То, что я твердо решил ни в коем случае не допускать этого, поскольку это зависит от меня, вы, наверное, понимаете?

— Конечно, — сказал К. — но ещё лучше я понимаю, что здесь совершается ужасное злоупотребление мной и, возможно, даже законами. Я обдумываю, как самому себя защитить!

— Как вы собираетесь это сделать? — с видимым любопытством спросил староста.

— Я не могу этого раскрыть! — сказал К.

— Не хочу навязываться, — сказал настоятель, — только позвольте вам заметить, что во мне вы обрели — я не хочу сказать, друга, потому что мы совершенно незнакомы, — но в некотором смысле как бы товарища. Я не допущу, чтобы вас приняли здесь только в качестве геодезиста; в противном случае вы всегда можете обратиться ко мне за помощью, правда, в пределах моей власти, которая не слишком невелика!

— Вы всё время говорили о том, — сказал К., — что я должен быть принят в качестве геодезиста, но ведь я уже принят! Вот письмо Кламма!

— Письмо Кламма? — сказал настоятель, — Оно ценно и весомо благодаря подписи Кламма, которая кажется подлинной, но в остальном... но я не осмеливаюсь комментировать это в одиночку и всуе...

— Мицци! — воскликнул он, и добавил:

— Но, ребята, что вы тут делаете?

Помощники и Мицци, нра которых так долго не обращали внимания, очевидно, так и не нашли нужный документ, а затем хотели запереть всё обратно в шкаф, но им это не удалось из-за беспорядочного скопления раздракoнных документов. Вероятно, именно тогда помощникам пришла в голову мысль, которую они сейчас же и принялись воплощать. Они положили шкаф на пол, запихнули в него все папки, потом сели вместе с Мицци на дверцу шкафа и теперь пытались медленно её закрыть.

— Итак, акт не найден! — резюмировал староста, — Жаль, но всю историю вы уже знаете, на самом деле акт нам больше не нужен, кстати, его наверняка ещё найдут, он, наверное, у учителя, у которого ещё очень много документов. Но теперь подойди сюда со свечой, Мицци, и прочти вместе со мной это письмо!

Мицци подошла и теперь выглядела ещё более седой и невзрачной, когда сидела на краю кровати, прижавшись к сильному, полному жизни мужчине, который обнимал её. Только её маленькое личико теперь выделялось в свете свечей чёткими, строгими чертами, смягченными только возрастом. Едва взглянув на письмо, она слегка сложила руки.

— Фон Кламм! — сказала она. Затем они вместе прочитали письмо, немного пошептались, и наконец, когда помощники уже кричали «Ура!», что означало, что они наконец-то захлопнули дверцу шкафа, Мицци молча с благодарностью посмотрела на них, настоятель сказал: «Мицци полностью согласна со мной, и теперь я, пожалуй, могу осмелиться высказать нечто. Это письмо вовсе не официальное, а частное. Это видно уже по заголовку: «Уважаемый господин!». Кроме того, в нём ни словом не говорится, что вы приняты в качестве геодезистов, скорее, только в общих чертах говорится о земельных услугах, и это тоже не является чем-то обязательным, но они приняты только «как вы знаете», то есть бремя доказывания того, что вы приняты, воспринимается, как навязанное. Наконец, в официальном плане вы будете переданы исключительно мне, старосте, как вашему ближайшему руководителю, который должен сообщить вам обо всём, что, по большей части, уже случилось. Для человека, который умеет читать официальные письма и, как следствие, ещё лучше читает неофициальные письма, всё

это слишком на виду. То, что вы, незнакомец, этого не понимаете, меня не удивляет. В целом письмо означает не что иное, как то, что Кламм намерен лично позаботиться о вас в случае, если вы поступите на службу к лордам!

— Вы, господин староста, — сказал К., — так хорошо истолковали письмо, что в конце концов не осталось ничего, кроме подписи на чистом листе бумаги. Неужели вы не понимаете, что этим унижаете само имя Кламма, которого, как вы утверждают, уважаете?

— Это недоразумение! — сказал настоятель, — Я не преуменьшаю значения этого письма, я не преуменьшаю его своим толкованием, наоборот. Конечно, личное письмо Кламма имеет гораздо большее значение, чем официальное письмо; только оно не имеет того значения, которое придаёте ему вы!

— Вы знаете Шварцера? — спросил К.

— Нет, — сказал староста, — может быть, ты, Мицци знаешь? Тоже нет. Нет, мы его не знаем!

— Это странно! — сказал К., — он сын младшего кастеляна!

— Дорогой господин инспектор, — сказал староста, — как же мне узнать всех сыновей всех нижних кастелланов? — Хорошо, — сказал К., — тогда вы должны поверить мне, что это он. С этим негром у меня был неприятный разговор ещё в день моего приезда. Затем он связался по телефону с младшим кастеляном по имени Фриц и получил информацию о том, что я принят на должность геодезиста. Как вы это себе объясняете, господин настоятель?

— Очень просто, — сказал староста, — они просто никогда не контактировали с нашими властями! Все эти контакты являются лишь кажущимися, но они считают их реальными в силу своего незнания обстоятельств. А что касается телефона: видите ли, у меня, у которого, я думаю, действительно достаточно дел с властями, нет телефона. В трактирах и тому подобном он может сослужить хорошую службу, например, в качестве музыкального автомата, не более того. Вы когда-нибудь звонили сюда по телефону, да? Что ж, тогда, возможно, вы меня поймете. В замке телефон, по-видимому, работает превосходно; как мне сказали, там непрерывно звонят, что, конечно, очень ускоряет работу. Этот непрерывный телефонный разговор мы слышим в здешних телефонах как шум и пение ангелов, это, несомненно, слышали и вы. Но теперь этот шум и это пение — единственное правильное и заслуживающее доверия, что передают нам здешние телефоны, всё остальное обманчиво. С Замком ни у кого нет гарантированной телефонной связи, нет центрального офиса, который направлял бы наши звонки; когда отсюда звонят в замок, там звонит по всем аппаратам нижних отделов или, скорее, звонили бы по всем, если бы, как я точно знаю, почти у всех этот звонок не был отключен. Но тут и там уставший чиновник иной раз чувствует необходимость немного развеяться, поохмить, особенно вечером или ночью, и со смехом включает звонок; тогда мы получаем ответ, правда, ответ, который является не чем иным, как шуткой. Это ведь тоже вполне понятно. В конце концов, кто может претендовать на то, чтобы из-за своих личных мелких забот врываться в самую гущу самой важной и всегда бурно развивающейся работы? Я также не понимаю, как даже незнакомый с этой кухней может поверить, что, например, когда он звонит Сордини, ему действительно отвечает Сордини. Скорее всего, это небольшой регистратор из совершенно другого отдела. Однако, с другой стороны, может случиться так, что в назначенный час, если вы позвоните маленькому регистратору, Сордини сам окажется на линии и сам даст ответ. Тогда, конечно, лучше убежать от телефона до того, как прозвучит первый звонок.

— Я не знал! — сказал К. — Я не мог знать таких деталей; но я не очень доверял этим телефонным разговорам и всегда отдавал себе отчёт в том, что только то, что испытывается или достигается непосредственно в замке, имеет реальное значение!

— Нет! — сказал староста, цепляясь за каждое слово, — эти телефонные ответы, безусловно, имеют реальное значение, как же иначе? Как может быть бессмысленной информация, которую даёт высокий чиновник из замка? Я уже говорил это время от времени когда мы

обсуждали письмо Кламма; все эти высказывания не имеют официального значения; приписывая им официальное значение, вы заблуждаетесь; напротив, их личное значение в дружеском или враждебном смысле очень велико, чаще всего больше, чем когда-либо могло бы иметь официальное значение!

— Хорошо, — сказал К., — если предположить, что всё обстоит именно так, то у меня было бы много хороших друзей в замке; если быть точным, идея департамента, что можно было бы пригласить геодезиста, была проявлением дружбы по отношению ко мне много лет назад, и в последующий период это стало своего рода актом дружбы... затем они следовали один за другим, пока меня не заманили сюда, правда, на худой конец, и мне не пригрозили вышвырнуть вон...

— В вашем мнении есть определенная доля истины, — сказал староста, — вы правы в том, что нельзя воспринимать высказывания замка буквально. Но осторожность необходима везде, не только здесь, а здесь тем более необходима, чем важнее высказывание, о котором идёт речь. Но то, что вы тогда сказали о выманивании, для меня непостижимо. Если бы вы лучше следовали моим замечаниям, то знали бы, что вопрос о вашем призвании сюда слишком сложен для того, чтобы мы могли ответить на него здесь в ходе небольшой беседы...

— В таком случае остается вывод, — сказал К., — что все очень неясно и неразрешимо, вплоть до выброса мня отсюда кверху тормашками!

— Кто посмел выгонять вас, господин инспектор? — спросил староста, — Именно неясность предварительных вопросов гарантирует вам самое вежливое обращение, только, по-видимому, они слишком чувствительны. Вас здесь никто не держит, но это еще не значит, что вас выгоняют!

— О, господин староста, — сказал К., — теперь это снова вы, кто слишком ясно видит некоторые вещи. Я перечислю вам некоторые из того, что удерживает меня здесь: жертвы, которые я принёс, чтобы уехать из дома, долгий и тяжёлый путь, оправданные надежды, которые я возлагал на себя из-за поступления сюда, полное отсутствие средств в моём кармане, невозможность теперь снова найти другую соответствующую работу дома и, наконец, не в последнюю очередь, у меня появилась невеста, которая является местной жительницей...

— Ах, Фрида... — сказал настоятель без всякого удивления, — Я знаю. Но Фрида последовала бы за вами куда угодно. Что касается остального, то здесь, однако, необходимы определённые соображения, и я сообщу об этом во дворец. Если будет принято какое-либо решение или если возникнет необходимость допросить вас ещё раз, я попрошу вас прийти. Вы согласны с этим?

— Нет, вовсе нет, — сказал К., — я не хочу подарков от замка, я хочу своего права! - Мицци, — сказал настоятель своей жене, которая всё ещё сидела, прижавшись к нему, и, потянувшись во сне, играла с письмом Кламма, из которого она вылепила кораблик, испугавшись, что К. теперь заберёт его, — Мицци, у меня снова начинает сильно болеть нога, нам придётся заменить припарку!

К. поднялся.

— Тогда, значит, я буду рекомендовать самому представлять себя, — сказал он.

— Да! — сказала Мицци, которая уже приготовила мазь, — это тоже слишком сильно тянет...

К. обернулся; помощники, проявляя всегда неуместное рвение, сразу же открыли обе створки двери по замечанию К. К., чтобы защитить больничную палату от пронизывающего холода, дабы сохранить тепло, лишь мимолетно кланяясь старосте. Затем, прихватив с собой помощников, К. выбежал из комнаты и быстро захлопнул дверь.

Глава VI

Хозяин ждал его у входа в трактир. Он не осмелился бы заговорить, если бы к нему не обратились, поэтому К. спросил его, чего он хочет.

— У тебя уже есть новая квартира? — спросил хозяин, глядя в пол.

— Вы спрашиваете от имени своей жены? — сказал К., — Вы, наверное, очень зависите от неё?

— Нет, — сказал хозяин, — я спрашиваю не от её имени. Но она очень расстроена и несчастна из-за тебя, не может работать, лежит в постели и всё время вздыхает и жалуется.

— Мне пойти к ней? — спросил К.

— Я прошу тебя об этом! — сказал хозяин, — Я уже хотел забрать тебя у старосты, я подслушивал у двери, но вы были заняты разговором, я не хотел мешать, я тоже беспокоился о своей жене, побежал обратно, но она не пустила меня к себе, так что я остался. ничего не остается, кроме как ждать тебя!

— Тогда поезжай поскорее, — сказал К., — я скоро успокою её!

— Если бы только это было возможно, — сказал хозяин. Они прошли через светлую кухню, где три или четыре служанки, каждая далеко от другой, буквально застыли на виду у К. за своей никчёмной работой. Уже на кухне послышался вздох хозяйки. Она находилась в помещении без окон, отделенном от кухни лёгкой дощатой перегородкой.

Тут было место только для большой супружеской кровати и шкафа. Кровать была установлена так, что с неё можно было обозревать всю кухню и одновременно наблюдать за работой. С другой стороны, из кухни в закутке почти ничего не было видно. Там было совсем темно, только бело-красное постельное белье чуть поблескивало. Только когда человек вошёл и его глаза привыкали, можно было различить детали.

— Наконец-то вы пришли... — слабо сказала хозяйка. Она лежала, вытянувшись на спине, дыхание, по-видимому, доставляло ей страдание она откинула перину. В постели она выглядела намного моложе, чем в одежде, но ночная сорочка из тонкой кружевной ткани, которую она носила, хотя и была слишком мала и колебалась на её причёске, делала измождённое лицо жалким.

— Как я должен был прийти? — мягко сказал К.

— Вы не должны были заставлять меня ждать так долго! — сказала хозяйка с упрямством больной, — Садитесь! — сказала она, указывая на край кровати, — а вы все идите!

Теперь, помимо помощников, в дело вмешались и служанки.

— Я тоже хочу уйти, Гардена! — сказал хозяин. К. впервые услышал имя женщины.»

— Конечно! — медленно произнесла она и, словно занятая другими мыслями, рассеянно добавила, — Почему именно ты должен остаться?

Но когда все удалились на кухню — на этот раз за ними последовали и помощники, правда, они ушли за служанкой, но Гардена была достаточно внимательна, чтобы понять, что из кухни можно услышать все, что здесь говорят, потому что запираемой двери не было, и поэтому она приказала всем также покинуть кухню. Это произошло мгновенно.

— Пожалуйста, — сказала тогда Гардена, — господин геодезист, в передней части шкафа есть полотенце, подайте его мне, я хочу им прикрыться, я не выношу перину, мне так тяжело дышать.

И когда К. принёс полотенце, она сказала: «Видите, это хорошая ткань, не правда ли?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.